

**Людвиг
Лавельчик**

**Прощай
Ада**

Людвиг Павельчик

Тропами ада

«Accent Graphics communications»

2012

Павельчик Л.

Тропами ада / Л. Павельчик — «Accent Graphics communications», 2012

Уединившись в поисках отдыха в заброшенном сельском особняке на задворках Древней Европы, бывший сердцеед и представить себе не мог, что за тайну хранят эти старые стены, какое горе помнит каменная душа дома и чья тень бродит по дорожкам его заросшего сада... Но в чем повинен он сам? Почему эта местность, этот дом и сад так влекут его, а местные жители так несловоохотливы? Отчего пузатый кабачник говорит загадками, а самая старая жительница деревни так жаждет его видеть? Чтобы разобраться в этом и добраться до финала, парню придется презреть опасность и пройти... Тропами Ада.

© Павельчик Л., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Короткое вступление	6
Пролог	7
Я	11
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людвиг Павельчик

Тропами ада

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Короткое вступление

История эта, случайно услышанная мною в одном из поселков, затерянных среди просторов ***ского леса, так и не позволила превратиться себя в сказку, настояв на максимальном приближении к истинному ходу событий. Я не прошу верить в нее и, более того, предполагаю, что не многие так поступят. Но, наверное, это и к лучшему, ибо вера в то, что я сейчас сам расскажу, вера в это безумие и в самом деле могла бы приблизить неких к сумасшествию, если не к чему-то еще более ужасному...

Что до меня, то я стараюсь теперь избегать и того селения, и той реки, и плоских живописных камней на ее берегах, чья теплая, нагретая солнцем поверхность так и манит к себе в сумраке угасающего дня... Что за тайны хранят они? Что видели они за свой долгий век?

С этими мыслями я задерживаю вечером поплотнее шторы и не подхожу уже более к окну до самого утра, дабы избежать соблазна рассмотреть в холодном лунном свете нечто, могущее заставить меня задохнуться от суеверного ужаса...

Ludwig Paweltschik

*Локи наряден и внешне красив,
Но он зол, и коварен, и крайне спесив
Он непостоянен в своем ремесле
Он сильнее во лжи и себе на уме...*

*„Loki ist schmuck und schoen von Gestalt
aber boes von Gemüt und sehr unbestaendig
Er uebertrifft alle andern in Schlauheit und
aller Art von Betrug“*

Пролог

Суббота, 6 Октября 1832 года

В неровном трепещущем свете переносных фонарей все представлялось искаженным и неестественным: массивные ворота в высоком глухом заборе казались взмывающей к небесам каменной стеной, причудливые тени от кустов и деревьев – когтистыми лапами мифических существ, и даже знакомые лица друг друга выглядели мертвенно-бедными и потому злоещими.

– Она точно в доме, Гудрун? – в который раз задала волнующий всех вопрос одна из женщин, понизив голос до шепота и обращаясь к одной из своих поделниц.

– Куда ж ей деться? – откликнулась другая, снимая с волос клок навязчивой паутины. – В саду мы ее не нашли, а другой дороги отсюда нет. В лесу все размыто – не прорваться даже с ее бесовскими способностями. Не провалилась же она сквозь землю!

– Хорошо было бы! Прямо в ад! И мы ее сегодня туда отправим, с Божьей помощью!

– Точно! Не уйдет, клянусь, не уйдет! Ты где оставила фонарь, Гудрун? Не броди в темноте, умоляю тебя, еще споткнешься да шею себе свернешь, чего доброго! Возле этого треклятого дома никто не застрахован... Даже земля и камни, сдастся мне, против нас настроены! И ты, Литиция, подвяжи подол, не то запутаешься!

Четыре подруги медленно, осматривая каждый куст и не пропуская ни одного закоулка из опасения быть обведенными вокруг пальца, пробирались к ненавидимому ими дому, несмотря на дождь и почти полную темноту черным силуэтом выделявшемся на фоне неба.

– Стойте! Мария, Гудрун, взгляните-ка! Да не сюда, на окно вверху! Верно говорю вам, кто-то со свечой прошел по комнате!

– Ты впрямь видела, Амалия, или померещилось тебе? Какое точно окно?

– Вон то, слева с торца! – женщина со спутанными грязными волосами и в бесформенном одеянии вытянула руку, указывая, в каком из окон дома она видела свет. Остальные замерли, молча воззрившись на указанное окно, в ожидании подтверждения сказанному. Все четверо молились про себя, чтобы это оказалось правдой – слишком вымотаны они были днями вот уже несколько часов бесплодными поисками, сначала на берегу реки, затем в огромном саду, окружавшем дом. Им казалось более вероятным, что та, на которую они охотились, попытается скрыться именно там, а потому решили проникнуть внутрь здания лишь после того, как стало очевидным, что снаружи искомой нет. На самом же деле подруги просто не решались признаться друг другу в испытываемом ими страхе перед этим мрачным домом и его обительницей.

Все время со вчерашнего дня, когда им стала известна ужасная правда, пребывали они в невиданном доселе возбуждении, стремясь во что бы то ни стало осуществить свою миссию. Даже извечные женские заботы о внешнем виде были на время отринуты, ни одна из них не обращала ни малейшего внимания на лохмотья, в которые превратились их платья во время неистовых ночных метаний в колючих зарослях берегового кустарника и на осеннюю грязь, покрывающую не только руки и ноги, но даже волосы и лица подруг по несчастью, набившуюся за шиворот и липко растекшуюся по спине.

– Постойте, да это же в мансарде! Точно – в мансарде, я бывала там пару раз вместе с ней! Она хранит там все ненужное барахло из дома, сундуки с тряпьем да негодную мебель. Что она там может делать?

– Ясно, как божий день! Знай мы про мансарду, то сразу пошли бы туда и не пришлось бы по кустам лазать, – из уст Марии сказанное прозвучало упреком, – Что может быть лучше для обороны, чем каменная мансарда! Эх, Гудрун, как ты могла забыть!

– Всего не упомнишь, дом-то немаленький!

Тем не менее, было заметно, что женщина, именуемая подругами Гудрун, явно сконфужена от допущенной оплошности. Если остальных нельзя было винить в незнании расположения внутренних помещений дома, то Гудрун, бывавшая там множество раз и считавшаяся близкой знакомой хозяйки, должна была помнить о существовании этой мансарды, где, по видимому, и скрывалась сейчас ее бывшая подруга и сегодняшний лютей враг, пытаясь избежать уготованной ей участи.

– Чего мы стоим? Идем, она наверняка там! Наконец-то, хвала Создателю!

– Не забудь фонарь, Амалия! Зачем ты его в грязь поставила?

– Быстрее! Быстрее!

По возможности выше подобрав платья, чтобы не так тяжело было пробираться по вязкой, липнущей к подолам грязи, и напускной бравадой подбадривая друг друга, все четверо устремились к дому, теперь уж не задерживаясь, ибо местонахождение врага было известно.

Набежавшие к ночи тучи усложнили подругам задачу, скрыв луну и вынудив нести с собой громоздкие фонари, бесконечно цепляющиеся за одежду своими декоративными частями и причиняющие массу неудобств. Но женщины, казалось, почти не замечали этого, обуреваемые жаждой покуситься со скрывающимся в черных глубинах своего дьявольского пристанища нелюдим за свои исковерканные судьбы.

Четыре темных силуэта ворвались в дом, где, не медля более ни секунды, тяжело дыша и оставив дальнейшие обсуждения на потом, начали подниматься вверх по довольно крутой скрипучей лестнице, уходившей, чуть извиваясь направо, в темноту. Но Гудрун, отлично знавшая каждый уступ и каждую скрытую каморку в этом, казавшемся теперь филиалом ада, доме, уверенно шла вперед, ведя за собой трех остальных, так же, как и она, ни на миг не сомневавшихся в высшей справедливости проводимого мероприятия.

Достигнув третьего этажа, Гудрун молча указала на показавшуюся на миг в свете фонаря небольшую окованную дверцу в конце коридора, отделенную от последнего еще несколькими ступенями. Достигнуть ее было делом нескольких секунд.

Готовая к тому, что дверь окажется заложеной изнутри, Гудрун, в отчаянии при мысли о предстоящей осаде, исступленно налегла на нее плечом и почти упала внутрь находящегося за ней узкого коридора, так как дверь оказалась незапертой. Еще несколько ступеней наверх и Гудрун переступила порог мансарды. Амалия, Мария и Литиция тотчас последовали за ней в почти темную, освещенную лишь слабым светом тонкой одинокой свечи в углу, комнату.

Тишина стояла, как в склепе, нарушаемая лишь тяжелым дыханием да гулким стуком сердец непрощенных, но явно предвиденных, гостей. Человеку ли, зверю ли, нашедшему здесь убежище, цель визита была совершенно ясна. Неизбежность предстоящего не оставляла сомнений. Не оставляла настолько, что предмет охоты, не теша себя более пустыми иллюзиями, даже не запер дверь, словно и в этой ситуации был готов оказать свое всегдашнее гостеприимство.

Ту, которую искали, пришедшие обнаружили сразу. Ожидая отчаянного сопротивления и заведомо тщетной мольбы о пощаде, они были несколько сбиты с толку, увидев ее стоящей напротив двери и открыто, с выражением полного спокойствия на лице, смотрящей в глаза судьбе, явившейся к ней в их обличье. Ее стройная фигура, высокая грудь и аристократическая осанка не могли не производить впечатления в иной ситуации. Но не сейчас. Даже у Гудрун, некогда гордившейся красотой подруги, лоск и ухоженность стоящей перед ней женщины, даже в большей степени, чем раньше, представлявшие разительный контраст к ее собственной внешности, невзрачность которой усугублялась сейчас разорванным платьем и комьями грязи в волосах, ничего, кроме отвращения, не вызывали.

Несколько мгновений все пятеро стояли, не шелохнувшись и не проронив ни слова. Четыре пары глаз пытались уловить в пятой хотя бы проблеск человеческих чувств, хотя бы слабый намек на страх. Не может быть, чтобы ее судьба была ей настолько безразлична! Но во

всем ее холодном облике чувствовалась необъяснимая самоуверенность, какое-то дикое тщеславие, никак не сочетающееся с тем плачевным положением, в котором она сейчас находилась и которого не могла не сознавать.

Медленным движением подняв руки к шее, женщина расстегнула цепь с висящим на ней медальоном и, чуть улыбнувшись, протянула его одной из пришедших.

– Я знаю, что сегодня умру, Гудрун. Пришло время и мне взойти на эшафот. Ты была моей подругой, прошу тебя – отдай это ему! Это его вещь, и, ты знаешь, мне будет тяжело носить это даже в гробу!..

Ее голос звучал чуть хрипловато, но это не было признаком волнения, как можно было предположить. Низкий тембр голоса просто являлся еще одним ее достоинством, высоко ценимым в обществе развратников и прелюбодейцев.

– Гроб тебе наверняка не понадобится, сука! А дружить тебе впредь придется лишь с дьяволом! – желчно выплюнула Мария, глядя в лицо обреченной горящим ненавистью взором.

– Возьми, Гудрун, – продолжала та, не обратив ни малейшего внимания на этот злобный выпад. – Мы были близки с тобой, и изменить уже ничего нельзя. Отдай ему этот медальон, дабы он снова вернулся ко мне!

Гудрун всю передернуло от отвращения: – Ты просто сумасшедшая, целованная дьяволом! Этот подонок сдох, как и ты сейчас сдохнешь!

– Лишь обещай, что передашь это ему, когда он появится, – девушка умоляюще и как-то по-рабски преданно взглянула в глаза бывшей подруги.

– Ха! Обязательно передам! – Гудрун буквально исходила сарказмом. – Но тебе этого уже не узнать, – она выдернула медальон из руки смиренно стоящего перед нею существа и небрежно сунула куда-то в складки юбки.

– Увидим, милая, – теперь, в свою очередь, в усмешке приговоренной к казни блеснул яд. – Я уверена, что ты сдержишь слово!

С глухим рычанием не выдержавшая напряжения Литиция бросилась на врага и, вонзив острые ногти в лицо и волосы молодой женщины, повалила ее на пол, где с остервенением продолжила начатое.

Амалия, решив не оставаться в стороне, всем телом рухнула на тонкую фигурку жертвы, беспорядочно нанося удары и разрывая ненавистную плоть.

– Хватит, стойте! Не здесь! Прекратите, Христа ради! – Гудрун и Марии с трудом удалось оторвать двух скорых на расправу фурий от кровоточащей, в мгновение ока доведенной до неузнаваемости, женщины. – Не здесь, мы же договорились! Вы чуть было не испортили все! Теперь придется ее нести – сама она идти не сможет.

Все четверо обернулись и посмотрели на лежащую. Та, похоже, была в сознании, но вид ее был ужасен. Гудрун и Литиция подхватили ее под руки и, осыпая проклятиями, повлекли вниз по лестнице. Идущие спереди и сзади Амалия и Мария с поднятыми над головой фонарями представляли собой незатейливый эскорт процессии.

Протащив приговоренную через всю садовую грязь, что привело ее в и вовсе непотребный вид, героини происходящего достигли калитки в задней части сада, начинавшаяся за которой тропинка вела к берегу реки.

– Где этот чертов камень? Марта, посвети, мне кажется – где-то здесь!

– Точно, вот он! Ну что, гадина, узнаешь свой алтарь? На нем и сдохнешь, дьявольское отродье! Сдирайте с нее одежду, пусть все будет по ее бесовским правилам!

В мгновение ока остатки превратившегося в лохмотья платья были сорваны с брошенной на плоский обломок скалы, и в самом деле напоминавший древний алтарь, молодой женщины.

Обнаженная, с изуродованным лицом и искромсанным телом, лежала она на камне, уцелевшим глазом глядя в черное, покрытое тучами ночное небо. Садистски настроенное сознание не покидало ее, обрекая почувствовать каждый миг истязаний, выстрадать каждую

секунду извращенного унижения, ощутить каждый плевок ее озлобленных палачей в то, что осталось от ее лица. Она не надеялась на жалость и не получила ее, пройдя свой путь до самого конца и окончив его бесславно, но гордо.

Она перестала что-либо видеть, когда разъяренная Литиция вырвала ей и второй глаз, она ничего не слышала – из ушей ее текла кровь; она не чувствовала боли от выбитых зубов и сломанных ребер – нервные окончания не служили ей больше.

Наконец, Гудрун набросила ей на шею приготовленную заранее веревку, которую тут же намертво затянула, отправляя в ад бывшую подругу. Несколько минут продолжала она судорожно сжимать петлю на давно мертвом теле, пока Мария не предложила завершить церемонию.

Начался дождь, как и почти каждый день в последнее время. Осень отлично знала свои права и обязанности. Тяжелые капли за несколько секунд смыли остатки крови с импровизированного алтаря, избавив палачей от лишнего труда.

У самого камня, во влажной земле была довольно быстро вырыта яма, весьма мало походящая на могилу. По поддержанному всеми резонному замечанию Гудрун, казненная в могиле не нуждалась и обречена была сгнить, как бездомная собака.

Подталкивая ногами, изуродованное тело убитой женщины столкнули вниз, после чего быстро забросали землей, вперемишку с плевками и проклятьями. На этом все было кончено.

– А медальон, Гудрун? Ты бросила его в яму? – Мария вопросительно взглянула в лицо подруги.

– Разумеется, что за дурацкий вопрос!

– Но...

Однако, наткнувшись на свирепый взгляд Гудрун, Мария осеклась и инцидент был исчерпан.

Я

Пришло время, когда мне, сломленному и растоптанному итогами моих многолетних походов и изможденной жажды запретного, уж не казалось более, что окружающие, близкие и родные мне люди, смогут поддерживать меня вечно, всегда сумеют понять дикость и необузданность моей морально уродливой натуры и вместе со мной испытать сладость плодов запретной вишни, что росла в моей памяти, была дико бордового цвета и разбрасывалась ягодами скорее бешено колкими, нежели сладостно-терпкими, чего так жаждало тогда мое воспаленное сознание. Прошу простить меня великодушно за столь витиеватое начало моей невеселой повести, – скоро, уверяю вас, все станет понятно.

Тогда я был почти сломлен гримасами судьбы, ее отвратительными кривляньями, практически не знающими отдыха и настаивающими на моей покорности. Даже близкие к галлюцинации запахи парфюма от чужих подушек вызвали в большей степени раздражение, нежели присущую мне некогда легкую рябь бравады по темной поверхности сознания, таящего в своей глубине пучины легковерия и водовороты необузданной веселости.

Да... Сломлен звонками любимых женщин, повествующих о своем решении выбросить меня из своей судьбы, как ненужное более белье или непотребный, вышедший из моды материал, не нашедший места в модели платья будущего бала; изможден опостылевшими, мучащими и гложащими воспоминаниями о собственных подлостях и низостях, которых, увы, уж не исправить...

Да и мои ночные кошмары, вернее сказать – мой ночной кошмар, ибо он был всегда один и тот же, довели меня практически до ручки, давая мне покой лишь в минуты пьяного забытья, в которое, по этой причине, я впадал все чаще и чаще...

Я хочу рассказать эту историю, не ища сочувствия или понимания моей судьбе, нещадно барахтавшей меня по своим ухабам, не предлагая сделки своей потрепанной совести и не стремясь найти успокоение в кажущейся инфантильной наивности, а лишь руководствуясь желанием хоть на дюйм приоткрыть обшарпанную дверь моей души, за которой, может статься, не так уж и черно, как меня всю жизнь убеждали и, пожалуй, убедили окружающие. Одновременно я прошу понимания и в том плане, что имени своего я на этих страницах не назову, дабы не бросать тень на других членов моей семьи и не делать моих родителей и сестер предметом нездорового любопытства и навязчивых расспросов, что, несомненно, лишило бы их покоя, которым они так дорожат.

Опять же должен поправить себя – это, скорее, не отдельная история, а окончание довольно печальной повести, длившейся очень долгое, по человеческим меркам, время, и я хочу надеяться, что рассказанное мной на этих страницах не оставит вас равнодушными, ибо прецедентов этому, убежден, не было.

Итак, пришел момент, когда я, на основании вышеизложенных измышлений, стал искать уединения. Не одиночества среди людей, когда ты просто замыкаешься в себе и постепенно начинаешь вызывать оправданные опасения как социально опустившийся и не ведающий собственного будущего человек, но именно настоящего уединения, вдали от грохочущей поездами и воющей турбинами цивилизации, несмолкающих телефонных звонков и отвращающих голов казенных барышень, бесконечно требующих уплаты чего-то или же вашего появления где-то.

Я искал одиночества размеренного, созидającego, дающего почву к размышлениям и порой подвигающего на странные желания, вроде как это – взять в руки карандаш и попробовать изобразить на клочке бумаги сидящую на кусту неизвестную птицу, умиляясь собственной сентиментальностью и подозревая в себе, быть может, начинающуюся шизофрению...

В одиночестве лучше и продуктивней думается, когда, вдали от ажиотажа и посторонних влияний, можно постараться с достаточной долей объективности взвесить и оценить пройденное и, если оно не было откровенно ужасным, наметить мало-мальски разумные дальнейшие шаги. Чем мне и предстояло заняться.

И вот, обложившись картами и географическими проспектами, ибо уехать я хотел относительно далеко, вооружившись карандашом для прокладки возможных маршрутов и наморщив лоб, что казалось мне проявлением неподдельной серьезности, я приступил к увлекательнейшему действию – начертательной геометрии собственного будущего, представлявшегося мне уже тогда загадочно-странным, хотя и завораживающим.

Поначалу все шло довольно бойко. Я быстро решил для себя, что местом моего добровольного заточения должна стать Европа – царство замков и древних преданий, возвышенной поэзии и завуалированных жутких воспоминаний о потертых временем легендах. Находясь в центре цивилизации, сия колыбель человечества сумела сохранить традиционную самобытность и несметное количество укромных уголков, где эта цивилизация отступает на второй план, предоставляя право играть первую скрипку ауре минувших столетий.

По мере продвижения вперед дело у меня пошло значительно хуже, и именно по причине столь богатого выбора. Я хотел быть везде и упиваться историей каждой из этих чарующих местностей, разноцветным бисером рассыпавшихся к моим ногам, и горько жалел, что блестящая идея намеченного мной мероприятия не осенила меня ранее.

Из сложившегося затруднения я нашел наипростейшее решение – подбросил монету над расстеленной на полу картой и, подняв ее, прочел оказавшееся под ней название, решив, что так угодно провидению.

Сойдя с поезда на удаленной от людских поселений лесной станции я, поразмыслив мгновение, решил идти в деревню пешком. Во-первых, ради свежего воздуха, целебной силой которого я вознамерился воспользоваться немедленно и, во-вторых, с целью вежливого знакомства с ареалом, частью которого мне предстояло стать, как я планировал, по меньшей мере на несколько месяцев.

Третьей же причиной было то, что, прибыв ранним утром, я не желал застать врасплох свою хозяйку, любезно согласившуюся сдать мне за очень умеренную плату комнату в своем сельском доме и лишь к полудню ожидавшую моего появления в черте своих владений. Я полагал, что у сельских жителей и без меня предостаточно хлопот в первую половину дня, чтобы позволить себе наглость быть навязчивым.

Надо сказать, договор о найме жилого помещения в сих местах вступил в силу весьма странным образом. Обрадовавшись условиям, изложенным в одном неприятзательном газетном объявлении, я сей час же отреагировал, отписав подавшей его даме и предложив обсудить детали в телефонном разговоре, на что получил недвусмысленный в своей категоричности отказ, опять же в письменном виде. Но, ибо мои знания иностранных языков, равно как владение их бесчисленными оборотами и каверзами, были на высоте (по крайней мере, мне было удобно так считать), я сообразил, что вышеозначенная дама попросту не желает иметь со мной подобного рода сношений. Было жаль, но приходилось акцептировать.

Признаться, слегка заинтригованный такой экстравагантностью, я тогда не нашел возможности возразить и вступил в обстоятельную и, по сути, излишнюю резонерскую переписку с будущей хозяйкой, затянувшую процесс съема помещения на добрых пару недель.

Помимо всего прочего, эта женщина подписывала свои письма весьма просто – «Кристиана» – что было, конечно же, не совсем обычно для сугубо деловых отношений, каковые, бесспорно, между нами и существовали. После того же, как Кристиана потребовала пару-тройку моих фотографий, якобы необходимых ей для «принятия окончательного решения», я заподозрил, что арендую пенаты в раю, а не продуваемую всеми ветрами мансарду старого дере-

венского дома, в которую я себя уже заведомо определил. Лишь из природного любопытства я, пожалуй, не поменял хозяйку на что-нибудь менее вычурное, хотя и убедился в последствии, что дело вовсе не в этом.

Но, как бы там ни было, договоренность была достигнута, и вот я иду указанной мне на станции лесной тропинкой, поручив доставку багажа таксисту и уверенный, что двенадцать километров, отделяющие меня от пункта назначения, не утомят мое тело, а лишь позволят разыграться здоровому аппетиту сельского жителя, коим я себя с этой минуты почувствовал.

Мне, знатоку трамваев и служебных лимузинов, были неведомы имена ворковавших и перепархивающих с ветку на ветку птиц, и, как ни хотелось бы мне блеснуть познаниями в орнитологии, я опушу эту часть повествования. Равно как не мог распознать я по породам и названиям растущие вокруг деревья, кроны которых, несмотря на набравший свою знойную силу летний день, создавали в лесу мягкую спокойную прохладу.

Я был по-детски счастлив и даже липкая паутина, вязко опутавшая мои лицо и руки, когда я по неосмотрительности сошел с тропинки, лишь раззадорила меня, доказывая, что страстно желаемое мною единение с природой началось.

Тут мне пришло в голову, что я даже не знаю возраста моей хозяйки. Воображение рисовало мне ее суровой поджарой дамой средних лет, матерью семейства, заботой об уюте и спокойствии которого и продиктованы столь необычные на современный взгляд меры предосторожности при выборе наполнителя семейного бюджета, на сей раз в моем лице. Я подготовился к оценивающему тяжелому взгляду из-под сдвинутых бровей и серии дополнительных дотошных вопросов, призванных устранить последние сомнения в правильности сделанного выбора, в чем я лично не сомневался. Торговаться я отнюдь не собирался, ибо, слава Богу, финансово был здоров.

Или же она – молодая развратная красавица, сим экстравагантным образом пытающаяся развеять сельскую скуку а, быть может, и остепениться наконец, обретя супруга в лице успешного деловитого горожанина, к коим я себя все еще не без лстивой гордости причислял. В общем, дорбгой я развлекался пустыми догадками в веселом предвкушении добрых и исполненных вальяжным спокойствием приключений.

Силы свои, которые я с надменной самоуверенностью считал достаточными для преодоления двенадцати километров лесной дороги, изобилующей подъемами, спусками и неровностями я, разумеется, переоценил. Мокрая от пота рубашка намертво присосалась к спине, франтовские туфли, рассчитанные на неспешные прогулки с барышнями по авеню, натерли ноги, да и обоняние, несколько попривыкнув к дурманящим поначалу запахам, притупилось, позволив вниманию переключится на несносную, ранее мною не испиваемую одышку.

Последние полчаса ходьбы я уже отчаянно негодовал на себя по причине принятого несколько часов назад решения идти пешком. Опушка леса, на которую я почти выполз от усталости, явилась мне спасением. Немного приободрившись, я начал спускаться в деревню, чьи крыши, поблескивая на солнце красной черепицей, то тут, то там мелькали среди окружавших их садов, состоявших сплошь из облагороженных деревьев, что меня теперь очень радовало.

Приведя себя в мало-мальски благопристойный вид, дабы с первых секунд не разочаровать мою суровую домовладелицу, ожидавшую меня теперь уже с минуты на минуту, я приступил к поискам указанного адреса, дабы с безукоризненной пунктуальностью предстать пред ее испытующий взор.

Сама деревня, надо признать, почти полностью соответствовала моим о ней представлением, которые я имел возможность взрастить в своем воображении за прошедшее со дня ее выбора время. Тихие неширокие улицы, пересекающиеся без каких либо признаков инженерного планирования, сады, перемежающиеся с ухоженными цветниками, тропинки, сбегające к угадываемой по чуть слышному шуму реке и темнеющая за ней хорда леса вернули мне былое приподнятое настроение и я шагал теперь гораздо увереннее и даже насвистывал тихонько что-

то незамысловатое, еще раз уверившись в правильности сделанного мною выбора и успешности всего предстоящего мероприятия в целом.

В то время было еще не поздно повернуть назад, обратить вспять начатое и ретироваться, предотвратив тем самым череду последовавших событий и прожить остаток дней в мирном неведении того глубинного и невыразимого, чего с должной степенью доходчивости не высказать, не выкрикнуть и не вырыдать, даже в бреду. Но не стану забегать вперед.

Дома, сельскохозяйственные постройки и прочие сооружения такого рода в деревне были построены явно не по шаблону, навязанному заезжим архитектором. Сколько я ни приглядывался к ним, ни старался вникнуть в элементы причудливых конструкций, двух одинаковых я не встретил. Как я узнал позже, их и не было – каждый старался вложить в облик своего жилища свой собственный, неповторимый образ и стиль, от чего, безусловно, в эстетическом отношении поселок только выигрывал. Что единило все эти постройки, так это красочность, веселость расцветок, творческая мысль и жизнь, которой они дышали.

Лишь в стороне, на том самом месте, где прохладная темная река скрывалась под сенью нависавшего леса, заметил я трехэтажный дом серого камня, построенный, судя по внешнему виду, гораздо ранее прочих домов в деревне и безо всяких архитектурных излишеств – просто коробка с высокими узкими окнами и массивными ставнями, большая часть которых была закрыта, несмотря на смеющееся летнее солнце, а, быть может, именно по этой причине.

Дом был окружен густым садом, пожалуй, самым большим в поселке, но и, похоже, самым запущенным, упиравшимся, как мне казалось от дороги, прямо в реку. Складывалось даже впечатление, что это и не сад вовсе, а просто кусок прилегающего леса, охваченный несуразным и не вписывающимся в общую картину каменным забором, словно кто-то, боящийся нападения, решил отгородиться посредством этого сооружения от окружающего мира и действительности.

Поначалу рассматривавший дом с ненавязчивым любопытством туриста и хладнокровно гадающий о его обитателях, я вдруг смутно заподозрил неладное и, встревоженный, поспешил вдоль высокого, выдавшего виды, забора в поисках ворот или какого-либо иного доступа в эту обитель, где я смог бы разрешить свои сомнения. Готовый к худшему, я не удивился, когда на столбе у высокой, потемневшей от времени глухой деревянной калитки обнаружил номер, который, как я уже и не сомневался, совпал с указанным в моем путеводителе и означал, что я достиг цели моего путешествия.

Первым и самым искренним моим побуждением было пуститься в обратный путь через лес к станции, несмотря на саднящие мозоли и грозившую вернуться одышку, и покинуть этот, представлявшийся теперь неулыбчивым, край. Но, вспомнив о переведенном заранее авансе и моем багаже, который был, должно быть, уже внутри, я решил не отступать перед мнимыми трудностями и провести ближайшие месяцы так, как и планировал – в стенах этого дома. К тому же я никогда не относил себя к робким, страшась древних сказок и темноты субъектам, коими изобиловало мое прежнее окружение, да и, по здравому размышлению, это был просто дом, объективно отличающийся от прочих лишь солидностью и основательностью.

Успокоив себя таким образом, я вдавил кнопку звонка у калитки, прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь в глубине дома или сада перезвон, извещающий о моем прибытии.

Ничего подобного не произошло, но замок через мгновение щелкнул, калитка приоткрылась и я, все же чуть неуверенно, ступил во двор, являющийся частью загадочных владений, где и для меня с сегодняшнего дня уготовано место.

Пройдя по садовой дорожке, ширина которой, словно бахвалясь пред соседками, подчеркивала внушительные размеры остальной территории, позволить себе которую мог лишь зажиточный человек или удачливый наследник, я очутился перед высоким каменным крыльцом, сооруженным, судя по виду, на века, как и все остальное в этом странном и не очень рас-

полагающем к себе месте. По пути я успел отметить, что первое впечатление меня не обмануло – рука садовника действительно много лет не касалась растительности на этой территории, что было весьма необычно для здешних мест и указывало либо на полную незаинтересованность владельца в собственном имидже, либо на то, что хозяева и впрямь находятся в незавидном положении и вынуждены не только махнуть рукой на порядок, но и зазывать квартирантов. Я склонялся ко второй версии, поскольку сам факт моего здесь появления ее подтверждал.

Хотя стоял белый день и лучи солнца веселыми брызгами отскакивали от долгими годами полированных серо-блестящих ступеней, мне, признаться, стало немного не по себе, когда я преодолел последнюю из них, готовясь позвонить у двери. Этого мне сделать не удалось, поскольку кнопки звонка не оказалось ни на самой двери, ни на стенах вокруг нее.

Моя проблема разрешилась сама собой, когда я машинально потянул за грязно-бронзовую ручку двери – было не заперто, а следовательно, меня ждали и, полагая, что не демонстрирую особой невежливости, я без дальнейших проволочек впервые переступил порог дома Кристианы.

В полумраке передней я, готовый к расшаркиваниям с моей милой арендаторшей и даже, пусть скупым, но приветствиям с оттенком радушия, никого не встретил. Несколько обескураженный и, пожалуй, обиженный столь явным проявлением невнимания, я почти на ощупь пробирался по откровенно темному коридору, поминутно наталкиваясь на какие-то непознаваемые предметы мебели и ориентируясь лишь на брезжащий далеко впереди неровный свет – как я уже с грустью подозревал – свечи.

Особенного романтизма в моей душе, надо заметить, никогда не было, а уж тем более стремления к авантюрам и приключениям с непредсказуемым исходом, равно как к экзотическим удовольствиям наподобие посещения ночных кладбищ и ночевки подле озаренных лунным светом дверей склепа. Посему тот факт, что от всего происходящего у меня премерзко зануло в животе и появилась отвратительная слабость в ногах, не представлял собой ничего необычного.

Даже и в тот момент было еще не поздно прервать все мероприятие и броситься к выходу из этого дома и всей дикости этой истории, хотя, положив руку на сердце, я очень сомневаюсь, что двери выпустили бы меня тогда наружу, пропустив, подобно венозным клапанам, лишь в одну сторону. Сейчас этого уже не узнать, да и необходимость в этом отпала.

Оставив, наконец, позади эту нескончаемую дорогу к эшафоту, полную муки и бессмысленных терзаний я, вздохнув и призвав Бога, раздвинул тяжелые и неповоротливые, как крышка дубового гроба, грязно-желтые портьеры и, с угрюмой решимостью раненного зверя шагнул через порог, оказался в гостиной.

Минутой раньше я упомянул, что не любитель шастать по погостам и лицезреть внутреннее убранство гробниц, пусть даже самых старинных и заслуживающих внимания. Тем не менее, переступив вышеупомянутый порог, я получил полное и недвусмысленное впечатление, что изменил своим вкусам и очутился в одной из них, причем, без сомнения, самой примечательной. Вот так, должно быть, выглядят кулуары на том свете! – мелькнула мысль. Каждый предмет, каждый изгиб в этом помещении с крайней степенью выразительности напоминал мне стилизованный гроб, словно ловкий мастер со скуки или от неудовлетворенного самолюбия не нашел другого приложения своему таланту, как испещрить затейливым орнаментом все крышки полустгнивших гробов в соседском склепе. Затхлый, застоявшийся воздух комнаты, даже, как мне показалось, с легким потягом нафталина, превосходно дополнял общее впечатление, тяжким грузом упавшее мне на плечи.

Когда-то в детстве, далеко и полузабытом, словно прошлогодний сон, случилось мне присутствовать при подготовке моей старшей сестры – прелестной юной утопленницы – к ее последнему в жизни путешествию до ближайшего погоста. Помню, озадачило меня в первую

очередь не нахождение мое под одной крышей с этим молодым, еще несколько дней назад радостно смеющимся по малейшему поводу, игриво целовавшим меня в затылок и цеплявшим мне на голову само плетеные венки из полевых цветов, а сегодня как камень холодным и словно присыпанным пудрой мертвым ангелом, но присутствовавшее во всем ощущение наигранности и искусственной нереальности, словно неумело воздвигнутые декорации на подмостках вдруг посыпались от неуклюжего прикосновения подвыпившего осветителя, открыв зрителям исподнюю кулис и вместе с тем вызвав необъяснимое разочарование.

Даже атласная подушка, с виду мягкая и бело-душистая, которую я собственноручно, по поручению одной из спящих вокруг с озабоченным видом дам, пристроил в изголовье гроба, оказалась лишь бутафорией – обмотанным белым полотном жестким и колючим куском фетра, да и на дне домовины не оказалось, к моему вящему удивлению, ничего сколько-нибудь мягкого – лишь жесткие доски, наспех затянутые дешевой тряпкой, закрепленной по углам сапожными гвоздями. Я, разумеется, понимал, что моей вчерашней партнерше по играм и забавам до всего этого нет более дела и в убранстве гроба она вовсе не нуждается, но само существо обмана, как я тогда считал, то обстоятельство, что все это пропахшее нафталином действие на самом деле лишь «кукла», отработанный ритуал и пыль в глаза, долго не давало мне покоя. И, хотя на самом деле «обманут» был лишь я один, а отнюдь не покойница, я до сих пор не хожу в театр, в моем представлении ассоциирующийся с миром мертвых.

Аналогичное ощущение охватило меня в этом доме, этой комнате, сплошь уставленной вещами, которым место на похоронах, в гробу или склепе и уж никак не в жилом, претендующем на уют и романтическое «тепло очага» помещении.

Моему недоумению не было конца, когда, изучив взглядом все детали помещения, я понял, что в комнате никого нет. Я даже заглянул за каждое из двух, стоящих по углам и обитых красным бархатом, кресел, как и за маскирующие окно портьеры, как будто ожидал обнаружить там кого-то, затеявшего со мной игру в прятки, но и там ничего, кроме ключев застарелой паутины и серой пыли, не нашел. Единственным разумным объяснением могло быть то, что хозяйева лишь ненадолго покинули помещение для улаживания каких-то домашних дел и мне, по логике вещей, предлагалось подождать их возвращения, что не должно было занять много времени, ибо свеча, горевшая на столе, ясно свидетельствовала о чьем-то недавнем присутствии. Поскольку иного выхода у меня, так или иначе, не было, я осторожно присел на краешек одного из стоявших вокруг стола стульев и принялся с любопытством озираться по сторонам, не переставая удивляться странному вкусу хозяев, обставивших комнату мебелью не просто раритетной, но неподдельно старинной, дышащей той эпохой, в которой она была сработана. Чего стоили только массивные кресла, обитые ужасным красным бархатом и также имевшие нечто неуловимо общее с салоном ритуальных услуг! Будучи человеком габаритов, по современным меркам, немалых, я едва ли был бы замечен в этой бархатной глубине, вздумай я воспользоваться одним из них. Резные канделябры были расставлены и развешаны повсюду – на столе, на полках, на матово-шершавых стенах, как будто этот дом никогда не знал электричества (что оказалось правдой, как я узнал впоследствии).

Решив, что прошло уже достаточно много времени и пора бы кому-нибудь вернуться и разделить мое малоприятное одиночество, я начал нервничать, и беспокойство мое усиливалось с каждой минутой. Я снова поднялся, выглянул в коридор и прислушался. Несмотря на напряжение, слух мой не уловил ни малейшего шороха из глубин дома, равно как не смог я увидеть ни луча света со стороны предполагаемых мною служебных помещений. Сам собой напрашивался неутешительный вывод, что я один в доме и хозяйка просто позабыла о моем приезде, отлучившись дальше, нежели я надеялся. В совершенной растерянности я вернулся в комнату, так как только она была мало-мальски освещена дребезжащим светом полу сгоревшей свечи. Да и как еще я мог поступить? Не мог же я, в самом деле, самостоятельно начать

экскурсию по темному дому, втыкаясь, как слепой кот, во все помещения без разбора и рискуя навлечь хозяйское недовольство своей бесцеремонностью?

Теряясь в догадках, я не стал более садиться и просто, без всякой цели, ходил кругами по комнате. В очередной раз проходя мимо стола, я заметил исписанный лист бумаги на его поверхности. Почему я не увидел его раньше? Он был отлично виден в ореоле пламени свечи и лишь моя невнимательность могла быть тому виной. Прочтя верхнюю строчку, я понял, что письмо адресовано именно мне, а посему я могу с полным правом прочесть его до конца.

В минуту, когда я пишу эти строки, письмо лежит передо мной. Это практически желтый от времени листок бумаги с причудливым гербом в верхнем правом углу, испещренный каллиграфическим почерком с затейливым, схожим с готическим, начертанием букв. И, так как ауру таинственности, исходящую от письма даже теперь, когда мне все известно, я передать не в силах, его содержание я привожу здесь полностью.

*«Дорогой ****! Вы, должно быть, обескуражены моим возмутительным негостеприимством и чувствуете себя в сложившейся ситуации неловко, но спешу Вас уверить, что эта, столь нехарактерная для меня невежливость, продиктована неожиданно возникшими при-
скорбными обстоятельствами, которые вынуждают меня покинуть на неопределенное время и Вас, мой друг, и этот старый дом, который, смело надеюсь, сумеет стать Вам надежным оплотом.*

Хочу заметить, что к негостеприимности как таковой это не имеет никакого отношения, поскольку Вы не гость в моем доме, а его полноправный хозяин (безусловно, в рамках существующего договора) и я несказанно рада, что, будучи в отлучке, не должна более беспокоиться о состоянии своей собственности, передав ее в Ваши руки.

Поскольку дом в настоящее время пустует, не вижу никакого смысла тратиться на его полную регулярную уборку (Вы увидите, что большинство помещений не использовалось долгие годы), о Ваших же апартаментах Вы, опять же согласно договору, должны будете позаботиться сами. Что касается мелких домашних забот, как-то пополнение запаса свечей и поддержание теплой атмосферы гостиной (где Вы и нашли это письмо), то об этом Вам беспокоиться нет нужды – все будет сделано.

Ваша комната находится в третьем этаже – последняя дверь по левую сторону, ближайшая к входу в мансарду. Ключ Вы найдете рядом с этим письмом.

Располагайтесь удобно в моем доме, отдохните от забот и наслаждайтесь окружающей природой. Разумеется, мы увидимся с Вами, мой друг, как только обстоятельства отпустят меня к Вам.

С теплым приветом

Ваша Кристиана

P.S.: Ваш багаж, полагаю, был доставлен в местную гостиницу. Будьте добры забрать его самостоятельно. Так уж тут водится.»

Признаться, многое в письме было для меня неясно. И дело даже не в неожиданно теплом тоне, которого в предыдущих ее письмах ко мне не наблюдалось – его я отнес на счет неустойчивого темперамента местных уроженцев, о котором был слышан. Но что значит – «все будет сделано»? Кем же, простите? А тот факт, что хозяйка характеризует жуткую обстановку этого склепа как «теплую атмосферу»? Должно быть, она и в самом деле довольно экстравагантна в своем восприятии мира. Во всяком случае, я большинства ее взглядов и суждений не разделял. Однако же, несмотря на это, сама личность Кристианы с каждым часом становилась для меня все более интересной. И я надеялся когда-нибудь иметь удовольствие побеседовать с ней очно.

Единственно, чем я был по-настоящему раздосадован, так это необходимостью отправиться на поиски моей поклажи, которая странным образом оказалась где-то в деревне. Но, по-видимому, иного выхода у меня не было.

Поскольку с момента прочтения письма ситуация для меня несколько прояснилась, я решил безотлагательно приступить к моему обустройству в стенах этого дома, где, по иронии судьбы, я оказался в настоящий момент единственной живой душой.

Прежде чем отправиться на поиски своего небогатого, но столь необходимого мне, как я тогда считал, имущества, я решил немного осмотреться и отыскать в доме место моего будущего обитания, чтобы, по крайней мере, четко представлять себе путь, по которому я должен буду транспортировать два увесистых чемодана, к моему немалому раздражению брошенных нерадивым таксистом неведомо где. Завладев увесистым ключом на огромном ржавом кольце, который при всем тщании невозможно было бы спрятать ни в один карман, я стал медленно подниматься вверх по узкой скрипучей лестнице, которая, постепенно поворачивая направо, уходила во мрак. Перспектива здесь жить нравилась мне все меньше и меньше, и ощущение нереальности происходящего не покидало меня ни на секунду, хотя, надо сказать, обстановка дома и даже царящая в нем жутковатая атмосфера казались мне каким-то образом нечуждыми, и даже какая-то дикая искра воспоминания мелькнула за кулисами моего сознания, правда, тут же погаснув.

Я слышал о существовании старинных замков, специально декорированных в традициях времен их процветания для привлечения туристов, на любви которых к экзотике зарабатываются немалые деньги, и даже тамошние дворецкие и слуги, словно сойдя со страниц романов Дюма или Сервантеса, носят шпаги, треуголки и прочую дребедень в том же духе и, слащаво улыбаясь, стараются убедить посетителей в подлинности спектакля. А шуршащие множеством юбок придворные дамы, ангажированные на этих аттракционах, отличаются от подлинных лишь наличием нижнего белья, причем и это, последнее, отличие легко устраняется за дополнительную плату. Интересно и прибыльно.

После того как я вспомнил об этом, у меня мелькнула столь же неожиданная, насколько и глупая мысль, что кто-то из моих приятелей, прознав о моих планах, просто разыграл меня, не пожалев определенной суммы и применив те же технологии. Но, по здравому размышлению, я эту мысль нещадно отбросил, поскольку особой привлекательности в розыгрыше все же не было, как не было у меня и приятелей, могущих потратить столь «определенную» сумму без риска вогнать в кабальный долг несколько поколений своих потомков.

Размышляя подобным образом, я одолел успешную извести меня беспрестанным скрипом лестницу и, повернув направо, проследовал согласно инструкциям до самого конца коридора, ведшего меня мимо расположенных по обе стороны низких темно-коричневых дверей, слегка утопленных в шершавую стену. Их я все же смог разглядеть в казавшейся поначалу непроглядной тьме – должно быть, откуда-то все же проникал какой-никакой свет, позволявший хотя бы не наткнуться на косяки и кованые дверные ручки, затертые, как я мог рассмотреть впоследствии, сотнями рук не одного поколения хозяев дома и их гостей, по воле судьбы принявших приглашение остаться здесь на ночь.

Мне вспомнился любимый мною в детстве роман, в котором злая тетка заточила ненавидимую племянницу в ужасной «красной» комнате и ребенок едва с ума не сошел от ужаса, рисуя в воображении все дикости, рассказанные сердобольной нянькой об этом помещении и обдирая в кровь руки, молотя в дверь в бесплодных попытках вымолить прощение за несуществующий грех. Двери той комнаты, должно быть, выглядели примерно так же, даже если и не были такими низкими и уродливыми.

Сразу за моей комнатой, бывшей, как упоминалось в письме, последней по коридору, располагалась дверь, ведущая в мансарду, еще более низкая и, похоже, намертво приросшая по

причине своей полной заброшенности и не востребованности. Несколько обшарпанных ступеней отделяли ее от уровня пола. Никакого интереса эта дверь для меня не представляла.

Большой, потускневшего металла, ключ с отвратительным скрипом повернулся в скважине, словно противясь моему желанию проникнуть в по праву принадлежащую мне теперь обитель. Зачем вообще было запиравать двери, если в доме, кроме меня, никого нет? Кому нужны эти меры предосторожности, каких неведомых злоумышленников можно было опасаться, с таким усердием запирая эту келью на три оборота? Разве что археологи могли бы позариться на «сокровища» этого вместилища призраков, да и те наверняка ограничились бы «гробницей» на нижнем этаже!

Так чертыхался и ворчал я, борясь с проклятой дверью, преграждавшей мне путь в мои владения.

Несчастный идиот! Жалкий, глупый, самовлюбленный щенок, каким я был тогда, стоя перед этой дверью и наивно полагая, что могу еще хоть чем-то распоряжаться и хоть на что-то влиять в своей судьбе, за которую уже тогда не дал бы ломаного гроша самый убежденный оптимист! Как жестоко бывает порой провидение, застилая нам глаза пеленой глупости и не позволяя увидеть того, что лежит на поверхности, не предоставляя возможности предотвратить нависшую угрозу или даже только подумать о ее существовании! Влекомые тщеславием и себялюбием, жаждущие ложного признания и презревшие иную власть, кроме человеческой, мы с идиотской ухмылкой суем голову во что-то куда более ужасное, нежели пасть тигра, оскорбляя законы гораздо более древние, чем этот мир, который, впрочем, в этот момент для нас уже потерян...

Приложив некоторые усилия, мне удалось распахнуть обе створки окна, выходящего, что меня порадовало, в сад. Открывающийся вид на лес и струйка свежего воздуха, напоенного запахом реки, внесли немного оживления в мое мрачное настроение, и присутствие духа начало ко мне постепенно возвращаться.

Обстановка самой комнаты не представляла собой ничего особенного, если не считать ее явной принадлежности к восемнадцатому, или еще более раннему, веку. Огромная кровать с коваными спинками и массивный потемневшего от времени дуба комод напротив нее оказались едва ли не единственными предметами мебели. Впрочем, имелись еще письменный стол с бюро и стул сомнительной надежности, но, находясь в ближнем, левом от двери углу, они в глаза не бросались и посему заметил я эти предметы роскоши не сразу. Будучи по природе своей непривередливым, я вообще не придавал значения скудности обстановки, направив свое внимание романтическим красотам заросшего сада.

Впрочем, долго любоваться видом из окна мне было некогда – была пятница, а посему я опасался, что ближе к вечеру в кабаке при гостинице станет многолюдно, что может мне осложнить вызволение моих вещей, откладывая на завтра которое я не собирался, ибо перспектива провести ночь в одежде на голой кровати без предшествующего проведения соответствующих гигиенических процедур мне не улыбалась. Я не знал нравов местного, по сути чуждого мне, населения, но даже в том случае, если нравы эти окажутся вполне сносными, мне не хотелось с первого дня привлекать излишнего внимания к своей персоне и вызывать пересуды и сплетни, для отдохновения от коих я, собственно, и прибыл в эти края. Я понимал, что избежать разумной интеграции в местное общество мне так или иначе не удастся, но начинать оную, будучи обремененным двумя огромными сумками на роликах, в мятом дорожном костюме и с изможденным выражением и без того не очень дружелюбного лица я не хотел.

Я немного воспрял духом и мне удалось убедить себя, что еще одно приключение в моей жизни может пойти мне только на пользу и обогатить мой душевный, равно как и интеллектуальный, багаж, а необычность ситуации должна только этому способствовать.

В конце концов, ничего из ряда вон выходящего не происходит, а различного рода нестыковки и мелкие разочарования встречаются в жизни повсеместно и обращать на них внимание, значило попросту терять нервные клетки.

Деревня встретила меня дружелюбно, а ее краски, краски самой жизни, предстали предо мной после только что пережитого еще более яркими. А когда мимо меня кто-то лихо проскакал на коне, вздымая коричневую дорожную пыль, ощущение идиллии стало полным. Народу на улицах не прибавилось, а посему мне пришлось порядком потрудиться, прежде чем я смог отыскать кого-то, способного снабдить меня необходимой информацией.

Наконец, из-за угла вынырнул какой-то парнишка, вознамерившийся было нырнуть за следующий, когда я его окликнул. Он остановился и недоуменно посмотрел на меня, одновременно заправляя в штаны выбившуюся на бегу рубаху и словно удивляясь наглости чужака, посмеявшегося оторвать его от столь важного дела.

Узнав о цели моего пути, малец поинтересовался, откуда же я, собственно, появился. Не желая вдаваться в подробности, я указал ему на дом за моей спиной, на что он снисходительно улыбнулся, словно неудачной шутке, неясно махнул рукой в сторону одной из улиц и скрылся в вожаделенном переулке.

Я побрел в указанном направлении в поисках кого-либо более толкового для разъяснения моего дальнейшего маршрута, но очень скоро потребность в провожатом отпала, так как уже издали я опознал здание гостиницы, хоть ранее мной и не виденное, но вполне типичное для заведений подобного рода в европейской деревне.

Поскольку привычной мне курящей, харкающей себе под ноги и перепирающейся друг с другом широко штанной молодежи у входа и снующих туда-сюда постояльцев я не заметил, у меня появилась надежда быстро уладить свое дело и уйти на сегодня незамеченным, как я и планировал.

В узком длинном вестибюле с тускло светящей желтой лампой в углу я никого не обнаружил и, несмотря на все мои призывы и стук костяшками пальцев по столику со стоящим на нем пыльным графином, никто не появился справиться о том, что же мне, собственно, угодно. Устав за сегодняшний день нервничать и чертыхаться, я только вздохнул и вышел наружу. В нескольких метрах от крыльца я обнаружил незамеченную мной ранее лестницу, ведущую вниз, обшарпанная вывеска над которой сообщала несведущим, что в полуподвальном помещении находится бар, и спустился по ней.

Выслушав меня, бармен пообещал позвать хозяина, потому что сам он, дескать, не в курсе, и исчез за зелеными шторами в подсобном помещении, подав мне предварительно кружку горького местного пива, которую я с благодарностью принял, ибо испытывал дикую жажду, и даже вознамерился по возвращении бармена оплатить ее дважды, дабы снискать благорасположение сего мужа, а, следовательно, и предупредительное обслуживание в будущем.

На смену бармену вышел полный, с красным лицом повара мужчина, который, заметив меня у стойки, поспешил в мою сторону и дружелюбно протянул свою потную пухлую ладонь, предварительно наспех вытерев ее о повязанный вокруг могучей талии передник.

От меня не укрылась, однако, настороженность в его взгляде, не пропавшая даже тогда, когда я, избрав одну из самых обаятельных своих улыбок, представился ему и пригласил присоединиться на несколько минут к моему одиночеству, что он и сделал, наполнив еще одну кружку тем же горьким, но, по всей видимости, популярным здесь напитком.

С первых секунд общения хозяин бара, оказавшийся также и владельцем гостиницы, заверил меня в безопасности и полной сохранности моего багажа, равно как и в своей преданности, свидетельством которой послужили еще несколько кружек пива «за счет заведения».

Произошедшее далее меня, признаться, несколько озадачило. Когда я в ходе разговора посетовал на нерадивость таксиста, не удосужившегося доставить поклажу по адресу и причи-

нившего мне тем самым массу неприятностей, мой собеседник резонно заметил, что, дескать, в момент доставки багажа меня в деревне еще, натурально, быть не могло, а везти вещи в давным-давно заброшенный необитаемый дом смысла, по логике вещей, не имело. Неверно истолковав мой изумленный взгляд, хозяин принялся извиняться и обещал «что-нибудь придумать» с транспортом, дабы мне не пришлось идти пешком с таким грузом. Затем он осторожно поинтересовался, снял ли я дом или купил его с целью придания ему надлежащего облика и последующего обоснования в этих краях. Если верно последнее, то, по его мнению, работы предстоит немало, так как дом пустует без малого два века и даже ворота, должно быть, мертво вросли в землю, не говоря уж о состоянии внутренних помещений. Понизив голос и приблизив свое красное лицо так, что я почувствовал его горячее дыхание, хозяин доверительно сообщил мне, что он вообще крайне удивлен тому, что кто-то мог проявить интерес к «этому проклятому дому», кроме, разве что, режиссера какого-нибудь фильма ужасов. Придания, ходящие в округе о прошлом этого дома, сегодня несколько поблекли и утратили остроту, но, тем не менее, местные жители не любят говорить об этом из привитого поколениями страха, тем паче посещать окрестности старого дома. Впрочем, совершенно очевидно, что кому-то дом все же принадлежит, иначе его неминуемо снесли бы уже много лет назад, но владельца здесь никто никогда не видел, да и, по всей видимости, тот сам позабыл о существовании у него этой собственности.

Разоткровенничавшись под влиянием выпитого, хозяин бара признался, что основной причиной его интереса к моей персоне было любопытство, не поведаю ли я ему, кто же, собственно, владеет мрачной серой крепостью?

У меня в голове все перемешалось. С одной стороны, я прекрасно знал, кто владеет домом, вернее, я состоял в длившейся несколько недель переписке и деловых отношениях с владелицей, но знал ли я, КТО это? С другой стороны я понял, что моя ответная откровенность и повествование не принесут пользы в этом разговоре, а, чего доброго, дадут повод к сплетням и пересудам, что в мои планы ни коим образом не входило. Должно быть, у Кристианы имелись определенные причины для того, чтобы не пускать земляков в свою жизнь и не посвящать их в свои будни. Посему, будучи человеком тактичным, я не посмел нарушать ее инкогнито и соваться в чужие дела, абсолютно меня не касающиеся.

Уклонившись от ответа, я дружески похлопал хозяина гостиницы по плечу, выразив надежду продолжить наше знакомство в будущем, и испросил позволения перенести обсуждение подробностей на другой раз и ретироваться, сказавшись жутко уставшим и неспособным адекватно мыслить (что вполне соответствовало действительности). Мой любопытный, по его собственному определению, собеседник, проявил изрядное понимание, хотя и не сумел скрыть своего неудовлетворения беседой, в которой не было практически ничего, о чем бы он смог поведать односельчанам за вечерней стопкой водки. Свое обещание достать транспорт он, однако, исполнил и через несколько минут к крыльцу гостиницы подкатил небольшой побитый внедорожник, водитель которого вызвался доставить меня по месту обитания за умеренную плату, правда, солидно возросшую после упоминания мною адреса.

Ничего, достойного повествования, в этот день больше не произошло. Я с трудом вспоминаю дорогу и то, как я поднялся к себе в келью, ибо был и в самом деле настолько вымотан за день, что все окружающее видел в мутно-зеленой дымке.

Спал я отлично. Мой привычный с детства ночной кошмар не преследовал меня в эту ночь, видимо, благодаря выпитому в деревенском кабаке. Отсутствие этого дикого видения было весьма приятно, хотя и не принесло мне настоящего успокоения. Впрочем, если алкоголь – единственное средство борьбы с этим, то немного же стоит моя будущая жизнь!

Усталость, как физическую, так и умственную, сняло как рукой, я чувствовал себя бодрым и полным сил, готовым к очередным приключениям и переживаниям. Ничто не побес-

покоило меня этой ночью и я готов был усомниться в обоснованности моего вчерашнего расстройств по поводу одиночества. Что ни говори, а в нем есть и определенные плюсы – не нужно ни под кого подстраиваться, соблюдать навязанный режим и постоянно беспокоиться, достаточно ли респектабельно ты выглядишь. Тишина и спокойствие способствовали упорядочению мыслей и отстраненности от хаотичности внешнего мира. А странные намеки на какую-то тайну, сделанные содержателем бара, принадлежат, должно быть, к постоянному, направленному на туристов, репертуару, призванному поддерживать внимание последних, а, следовательно, и доходы на нужном уровне.

Непринужденно насвистывая, я свершил утренние процедуры в смежной с моей комнатой и предназначенной для этих целей каморке, куда предварительно натаскал воды из колодца во дворе, по всей видимости, недавно вырытого, о чем говорила относительно свежая каменная кладка вокруг него и домик из не успевших еще как следует потемнеть досок, и, безукоризненно одевшись, стал планировать предстоящий день.

Для начала было бы неплохо позавтракать, ибо последнее, что я съел, был не очень свежий сэндвич с огурцом и котлетой, которым меня потчевал вчера вечером гостеприимный владелец деревенской забегаловки. Поскольку ровным счетом никакой пансион в моей с Кристианой договоренности предусмотрен не был, а в свете имеющейся ситуации и вовсе отпадал, я должен был, натурально, сам побеспокоиться о своем рационе, что я накануне, частично, и сделал, захватив с собой из бара добрый кус колбасы с чесноком, полбуханки черного хлеба, несколько помидоров и бутылку слабого сидра из местных яблок. Для начала дня этого было вполне достаточно, а обедать и ужинать я намеревался в деревне, сочетая трапезу со знакомством с аборигенами и постижением их нравов. Вчерашние рассказы веселого краснолицего кабачника лишь разбудили мою жажду нового и дали пищу здоровому любопытству путешественника.

Хотя столовая и кухня внизу были в полном моем распоряжении, я предпочел наскоро перекусить в своей комнате, не прибегая к манипуляциям по растопке очага и насаживанию моих скудных припасов на вертел. Я, конечно, утрировал, будучи в веселом расположении духа, и беззлобно подшучивал над Кристианой и ее бытом, чего, разумеется, не решился бы проделывать в ее присутствии.

После завтрака я спустился к реке, для чего мне пришлось обогнуть дом и продраться между задним забором сада и колючим кустаником, род которого, по причине моих вышеупомянутых познаний в ботанике я, к сожалению, определить не смог, да и, признаться, не очень жаждал. Похоже, хозяин бара все же не лукавил, и эта часть берега, как и сам дом, также не пользовалась популярностью среди местных, поскольку я не смог обнаружить ни тропинки, ни чего либо ее напоминающего. Гибкие сучья кустов переплелись настолько давно и прочно, что исключалась всякая возможность чьего-либо недавнего пребывания здесь. Превозмогая цепкое упорство растений, я все-таки пробился к вожделенному берегу, хотя и не обошлось без нескольких царапин и ушибов.

Река предстала предо мной почти черной, что свидетельствовало о ее порядочной глубине, несмотря на очень небольшую ширину. настолько небольшую, что растущие на противоположных берегах деревья практически сплетались кронами над ее руслом, даже днем не позволяя лучам солнца проникать сюда и даря путникам сумеречно-романтическую прохладу. Как бы там ни было, мне было приятно находиться здесь, в недоступной в недрах городов тишине и покое, и я добрых полчаса наслаждался видом неспешно несшей свои воды реки, полулежа на огромном черно-сером камне у самой воды, когда-то служившим, видимо, тронем одной из местных Лорелей. Гладкая поверхность камня была приятно теплой, от окружающей его травы исходил щекочущий ноздри, чуть дурманящий аромат и напеваемая водой едва слышная колыбельная вкупе с редким посвистом птиц в кронах деревьев производили расслабляющее – гипнотическое действие. Уходить не хотелось. Наконец – то я обрел то, к чему так стремился в

последние месяцы – покой, умиротворенность и возможность просто лениться, перекладывая с полки на полку вяло текущие мысли и накапливая силы для будущих баталий, если таковым еще есть место в моей жизни.

Укутанному в нежный плед романтики, мне пришла было в голову мысль посвятить стихотворение какой-нибудь далекой, милой сердцу даме, но ни одного подходящего имени мне не вспомнилось и идея была отринута, что, впрочем, не вызвало у меня ни малейшего расстройства.

Мне показалось странным, что в этой части нашего забора нет ни дверцы, ни щели для сообщения с этим райским уголком природы, и каждый раз мне придется делать довольно большой крюк для того, чтобы попасть сюда, что было, впрочем, несложно, но крайне нелогично, да и свежие царапины от знакомства с колючими кустами энтузиазма не добавляли. Хотя, если уж говорить об энтузиазме, то когда и из каких корней взращивали мы его в наших, порой юных, но всегда озаренных жаждой приключений душах? Где именно в нашем теле скрывалось сие, неподвластное четкому определению качество? Да и не оно ли делает одних из нас уязвимыми и заносчивыми, что одно и то же, а других твердыми душой и стремящимися вперед, неизвестно куда?

Но, заставив себя оторваться от столь беспечного времяпрепровождения и нехотя поднявшись, уже проторенной тропой я отправился в деревню.

Была суббота и улицы не казались такими пустынными, как вчера. Дети и птицы галдели наперебой, привычно махали натруженными руками женщины у плетней, в тщетных попытках прояснения своих извечных деревенских вопросов, а в тени садовых деревьев их мужья привычно резались в какую-то местную разновидность настольной игры наподобие домино.

К моему неприятному удивлению, люди при моем приближении начинали вести себя несколько странным образом – разговоры прекращались, пересуды откладывались на потом, и даже дети, подобрав свои мячи и убогие деревянные игрушки, убегали к обочине, предпочитая переждать в стороне, пока я пройду мимо, чтобы вновь вернуться к своим играм. На мои приветствия люди, правда, отвечали, но как-то дежурно, без свойственной деревенским жителям здешних мест доброжелательности и радушия, моментально прикидываясь спешащими и ужасно занятыми, что, конечно же, не могло меня не расстраивать.

Если мне все это лишь чудилось, то, безусловно, налицо признаки бреда отношения при начинающейся паранойе, если же нет, то, видимо, у меня и на самом деле были причины расстраиваться. Но какие?! Я терялся в догадках.

Скучно и безрадостно прошел этот первый день в месте моего добровольного изгнания. Я не только не завел никаких сколько-нибудь интересных или значимых знакомств, но и почти разочаровался в перспективе завести их когда-либо. От местного населения исходила не то что бы откровенная враждебность, но раздражающая настороженность и холодность, объясняющаяся, как мне подсказывало сердце, не только тем обстоятельством, что я новый в поселке человек, но и еще чем-то, для меня неясным и необъяснимым, а потому вызывающим досаду, а ближе к концу дня и озлобленность.

Один крестьянин, впрочем, был со мной даже в известной степени ласков, но, подозреваю, только потому, что я изъявил желание купить у него про запас солидное количество домашней копченой колбасы, окорок и сыру, полагая, что эти, не относящиеся к скоропортящимся продукты, избавят меня от ежедневных хлопот с завтраком.

Хозяин гостиницы, будучи истинным коммерсантом, и сегодня разделил со мной трапезу, приготовив на этот раз по моей просьбе нечто более вразумительное, нежели вчерашний сэндвич и сдобрив все это небольшим бочонком все того же пива, горечь которого примешалась к горечи моего нынешнего положения, но, как ни странно, заставила последнюю немного отступить. По большому счету, обед, как и поздний ужин прошли даже приятно, благо хозяин не тяготил меня более навязчивыми вопросами о природе моих отношений с серым домом, как

здесь именовали мое жилище. Он явно старался быть милым, развлекал меня безобидными байками о местных блудницах и под конец даже рекомендовал мне некоторых из них, разумеется, за умеренную плату. Я вежливо отверг его предложение, однако уже без той категоричности, с которой сделал бы это еще вчера. И в самом деле – спокойный отдых и аскетизм – вещи суть разные и я не склонен был с сегодняшнего дня их отождествлять. Однако же общий фон моего настроения удержал меня в этот день от претворения этого открытия в действительность.

Проболтавшись по деревне, осмотрев скудные витрины лавок и несколько примелькавшись туземцам, я отправился домой, решив, что на сегодня впечатлений достаточно.

Дом, где я со вчерашнего дня обитал, предстал моему взору черным силуэтом, без малейшего проблеска жизни во всем своем облике. Неприятный озноб быстрой струйкой пробежал по моей спине, на секунду задержавшись где-то в крестцовом отделе позвоночника и исчезнув. И его я списал тогда на свое не в меру развитое воображение, возвращенное на произведения Санд, на которое мне, впрочем, приходилось списывать в последнее время слишком многое.

Сейчас я точно уже не могу сказать, но либо чай, которым я увенчал ужин, был слишком крепким, либо я перевозбудился за долгий день, будучи вынужден бесконечно расстраиваться и нервничать, но уснуть я не мог. Луна этой ночью не была полной, лишь узкий серп стареющего месяца время от времени проглядывал между облаков, которыми постепенно, начиная с обеда, затягивало небо, но тем не менее было достаточно светло, чтобы я мог различать все предметы в комнате, отбрасывающие причудливые ломаные тени на стены и пол. В голове беспорядочно текли ленивые мысли, вновь и вновь заставляя меня переживать события этого суматошного дня, по накалу и несуразности мало уступающего предыдущему.

Это, по сути своей почти бессмысленное, но обыкновенное для всех людей занятие и не давало мне погрузиться в пучину бессознательного, хотя я чувствовал усталость и приятная тяжесть во всем теле должна была бы способствовать здоровому сну. Я наблюдал за кружащимися в лунном луче пылинками, позволив мыслям течь как им вздумается.

Должно быть, я все-таки заснул тем первым, неглубоким сном, когда веки еще подрагивают и превратности прошедшего мимо дня несколько будоражат, когда откуда-то снизу, с первого или второго этажа, до моего слуха донеслись звуки тихой плаксивой музыки, напоминавшей ненавязчивую импровизацию замечтавшегося виолончелиста. Через несколько мгновений музыка оборвалась, но вскоре послышалась снова, на этот раз немного громче и уверенней, вырисовываясь в определенную тему. К виолончели добавился еще один инструмент, намного ниже по звучанию, но с теми же заунывными интонациями, словно взывая к ностальгии по меду потухшей страсти.

Я приподнялся на локте и прислушался. Поначалу никакого беспокойства я не испытал, приписывая слышанное выходкам моего воображения, вытворявшего порой разные штуки, чем я был даже горд, объясняя это моими неординарными интеллектуальными способностями и умением «жить полнее». Но по мере того, как музыка усиливалась, постепенно дополняясь все более широким спектром участников и приобретая размах настоящего музыкального произведения, где-то в глубине моей души, тягуче постанывая, начала зарождаться тревога.

Что ж это такое, в самом деле? За два дня, что я провел здесь, я успел составить себе определенное мнение о доме и его странной хозяйке, и это мнение было не самым положительным из когда-либо составленных мною. При всей своей величественности и завораживающей неординарности менее всего этот дом походил на место светских утех и развлечений. Да этого, в конце концов, просто не могло быть!

Ответ на вопрос был мне ясен. Невольно пережевывая вчерашние бредни кабацкого романтика и, повторяюсь, обладая чрезмерно развитым воображением, я, несомненно, и получил сейчас в награду то, что получил. Тем паче, благодатная почва для семян галлюциноза в

виде моей нервной усталости и общей заторможенности, что, безусловно, сделало меня подверженным всякого рода внушениям, была заранее подготовлена.

Когда я решил было успокоиться и попытаться уснуть по-настоящему, убедив себя в правильности собственных суждений, снизу до меня долетел звонкий смех, взорвавшись где-то среди музыки и разлившимся ручьем прокатившись по этажам, заглядывая в каждый уголок старого особняка и замерев в том конце коридора, где находилась моя комната.

Волна паники прошла по всему моему телу, выбив на лбу липкий пот и сведя легкой судорогой пальцы ног. Я с ужасом осознал, что, войдя вечером в комнату, не подумал запереть за собой дверь и, следовательно, был незащищен, как младенец.

Почему-то именно ночью все чувства обостряются, всплывают старые, порой детские страхи в немыслимом сочетании с разрушающей сентиментальностью, а от дневной бравады и самоуверенности не остается и следа. Исчезает ощущение прочности и неизблемости окружающего мира, а малейшая неприятность, еще несколько часов назад казавшаяся совершеннейшим пустяком, вырастает до размеров чудовища, норовящего не оставить камня на камне от былых надежд.

Вот и в этот раз – нейтральное, по сути, событие, вполне могущее иметь достойное объяснение, буквально бросило меня в пучину страха, заставив вскочить с постели, броситься к двери и трясущимися побелевшими пальцами запереть ее на засов, зло и обиженно скрипнувший в ответ на мою бесцеремонность. Запирая дверь, я был абсолютно уверен, что слышал снизу смех и топот ног, как при танце, в такт этой невозможной, сводящей меня с ума, какофонии.

В поисках глотка свежего воздуха я бросился к окну. Видимо, нервы мои и в самом деле были ни к черту, во всяком случае я мог поклясться, что в неровном свете уродливого серпа луны я что-то видел. Как будто неясных очертаний тень мелькнула среди корявых деревьев заброшенного сада. Что-то светлое на фоне темной растительности. Совершенно ошалевший и склонный теперь уже во всем видеть опасность, я не дал себе труда взглянуть воспаленными глазами в игру света и тени, но, медленно и словно отрешенно, совершенно измученный и разбитый, вернулся к своей постели, мысленно поклявшись себе навсегда покинуть проклятый дом с первыми лучами солнца. Ни на музыку, ни на сопутствующие ей звуки я более не обращал внимания, посему не могу утверждать, продолжалась ли эта дикость или же исчезла, как исчезла моя способность трезво мыслить. В одном я был совершенно уверен – что-то не в порядке. Причем скорее со мной, нежели с окружающей действительностью. Однако невозможность прояснить суть проблемы тревожила и беспокоила меня больше всего. И подспудно я уже понимал, что от этого не скрыться, забравшись с головой под одеяло, как не погасить солнце простым зажмуриванием, как в далеком детстве.

Рассвет застал меня, как и водится, в постели. Если быть точным, то рассвета я уже не застал, проспав относительно долго, во всяком случае, гораздо дольше, нежели планировал в своих ночных клятвах. Солнце уже стояло высоко и лучи его играли в листве сада, обещая неплохой день. Вокруг было так тихо и идиллически спокойно, что ржавый засов, который я, подгоняемый ужасом, лихорадочно задвинул среди ночи, вызвал у меня теперь лишь улыбку и нечто вроде стыда за свое ночное безумство. Постояв у окна, глядя в сад, где я, как мне казалось, давеча видел призрака и проанализировав свое недостойное поведение, я окончательно убедился в его абсолютной неадекватности и искренне порадовался, что это происшествие, по крайней мере, не станет достоянием общественности и не заставит меня краснеть под напором пытливых насмешек. Само собой разумеется, мысль покинуть дом казалась мне теперь совершеннейшей нелепицей и бесследно исчезла в лабиринтах забытого. Посему, решив оставить страхи и беспокойства истеричным дамам, я принялся планировать предстоящий день.

Как бы там ни было, но, дабы полностью развенчать собственные надуманные мифы, первым пунктом программы я определил осмотр дома. В конце концов, я собирался прожить здесь немалый срок и имел полное право представлять себе устройство приютившей меня обители, тем более, что запрета на сдержанное любопытство, которое я намеревался проявить, в нашем договоре с Кристианой установлено не было. Да и, в конце концов, кто-то же должен в отсутствие владелицы приглядывать за домом! Тем паче, она сама нарекла меня «хозяином», пусть и в скромных рамках квартирантских полномочий. Это значит, что осмотр особняка на предмет обнаружения различного рода нечисти типа крыс просто необходим и я, как вежливый и дружелюбный человек, готов безвозмездно оказать ей эту услугу.

Прекрасно понимая, что выдвинутая мною самому себе мотивация явно не выдерживает никакой критики, я все же предпочел ей удовлетвориться, нежели выстраивать новую, еще более мудреную. Истинной же моей целью было, известное дело, исследование наличия хотя бы теоретической возможности проведения почудившегося мне ночного действия. Если это могло быть в принципе, то должна же существовать какая-то инфраструктура, по меньшей мере, танцевальный зал или что-то вроде этого. Следы постороннего пребывания в обветшалом доме я, полагаю, тоже сумел бы обнаружить. Невозможно же, в самом деле, толпе людей устроить здесь буйство, не потревожив многолетний слой пыли, покрывающий, как мне казалось, все без исключения!

Не скрою, в ту минуту я был подвержен чисто мальчишескому азарту, словно вернувшему меня в детство и чувствовал себя, скорее, кем-то вроде Тома Сойера, собиравшегося на раскопки сокровищ и единственное, о чем я сожалел, так это об отсутствии рядом одного из моих школьных товарищей, с которым мы могли бы захлеб делиться впечатлениями и «вместе бояться».

Охваченный жадой приключений, я отринул всякую мысль о завтраке, решив отложить его на более спокойные времена и, наспех умывшись и приведя себя в порядок, я медленно направился вниз по лестнице, стонущей и страдающей под моими шагами. Предварительно я не забыл вооружиться карманным фонариком, который, как и множество других нужных вещей, нашелся в одном из моих саквояжей.

Я всегда гордился своей способностью думать о такого рода мелочах и во всех своих поездках и мероприятиях имел с собой целых ворох подобных вещиц, большей частью бесполезных, но, однако, дающих мне чувство обстоятельности и, как мне хотелось думать, солидности.

Потому и на этот раз, спускаясь по лестнице, я похвалил себя за предусмотрительность, поскольку, не имея я сего простецкого прибора, мне тяжело было бы чего-то разглядеть в этом лишенном электричества и наглухо закупоренном ставнями склепе.

Едва ступив на второй этаж, я определил себя как параноика и истерика, поскольку абсолютно ничего не могло здесь говорить о недавнем пребывании ни человека, ни даже крысы, якобы со всем тщанием искомой мною. Тяжелая серая пыль толстым слоем покрывала пол, и единственные следы, которые за много лет должны здесь появиться, будут моими.

Пусть я уже и убедился в беспечности моего здесь пребывания, я решил все же пройти до конца коридора, хотя бы для того, чтобы отметить для себя и эту часть дома как исследованную.

В луче фонаря что-то матово блеснуло. Подойдя ближе, я рассмотрел ручку массивной двустворчатой двери, сработанную в форме головы какого-то зверя, определить породу которого я не мог, некогда, по всей видимости, начищено блестящую, сегодня же поблекшую и покрытую налетом времени, как и все остальное в этом странном доме. Саму же дверь, должно быть, не открывали с незапамятных времен – так глухо и отчаянно заброшенно она выглядела. Для уверенности я попытался потянуть за ручку, будучи, впрочем, заранее готов к тому, что мои усилия окажутся тщетными, в чем тут же и убедился. Несомненно, применив некоторое

упорство и сноровку вкупе с подручными средствами, я смог бы преодолеть преграду времени и ветхих запоров, если таковые имелись, тем паче что за дверью действительно мог скрываться предполагаемый мною зал (пусть и не дворцовых размеров) и, быть может, еще кое-что достойное внимания. Однако, будучи человеком тогда еще здравомыслящим я, выяснив безосновательность моих ночных подозрений и будучи на грани постановки самому себе пренеприятного диагноза, предпочел ретироваться, обещая себе в будущем более реально смотреть на вещи и не заниматься глупостями.

После обеда я снова спустился к «своему камню», как я его для себя окрестил, чтобы провести пару часов в приятной прохладе на берегу будоражащей воображение темной реки. Я был уже достаточно взрослым и обладал изрядной долей скепсиса, чтобы ожидать встретить тут эльфа или фею, но, если бы таковые существовали, они, несомненно, обитали бы именно здесь, под сенью старых корявых деревьев, корни которых тут и там пробивались сквозь дерн в самых причудливых формах. Наверняка именно в таких местах ваяли свои волшебные творения Гауф, Андерсен или Хоффман.

Что-то притягивало меня к этому камню, словно это был не просто минерал, вросший в землю и удачно вписавшийся в ландшафт, а нечто гораздо, гораздо более серьезное. Что-то такое, что я не смог бы облечь в форму доступных мне сухих слов, к сожалению, всегда ограничивающих полет мысли и урезающих размах фантазии, насильно заключая ее в свои свинцовые рамки.

Многие поколения окрестных красавиц поверяли, должно быть, этому плоскому, намертво засевшему в земле обломку скалы свои девичьи секреты, он был молчаливым свидетелем тайных ночных свиданий, первых поцелуев и горячих объятий, робких надежд, как сбывшихся так и тех, которым не суждено было сбыться; на его гладкую поверхность падали сладкие слезы счастья и горькие – страданий. Они приходили и уходили, лишь он неизменно оставался здесь, веками вбирая и храня воспоминания... Положения камня на берегу его сестры-реки были незыблемы.

Вновь открылась во мне эта поэтическая жилка, препятствующая здравомыслию. Но, поскольку я был ни в коей мере не расположен вливать свою лепту слез в коллекцию камня, я силовым моментом подавил в себе не красящие мужчину сентиментальные поползновения и предался отстраненному созерцанию черного речного потока.

До чего все же странная личность моя хозяйка! Зачем нужна ей эта аура таинственности, исходящая как от нее самой, так и от ее жилища? Какая нужда ей во всех этих сплетнях и пересудах, неизменно сопутствующих всему, что могло быть с ней связано? Было совершенно очевидно, что она сама немало способствует их поддержанию. Дом же, хоть и напоминавший добротностью своей крепость, явно приходил во все большее запустение, и время грозило безвозвратно уничтожить даже те остатки его былого очарования, которое я сумел рассмотреть за слоем вековой пыли. Будучи отреставрированным и снабженным элементами современной цивилизации, такими как электричество и водопровод, среди великолепия приведенного в порядок благородного сада этот дом вполне мог вновь стать драгоценной жемчужиной всей округи, чем он несомненно являлся в далеком прошлом. Но хозяйке это не было нужно, о чем свидетельствовало ее полнейшее пренебрежение домом, приведшее его к сегодняшнему состоянию. Но права владельца, само собой, нерушимы, и если Кристиана предпочитает лицезреть свои владения в их сегодняшнем плачевном виде, то тут уж ничего не поделаешь.

Я пришел к неутешительному выводу, что эта женщина и вовсе не живет здесь, предпочитая для каждодневного пребывания иную из своих резиденций. Иначе она была бы, по крайней мере, известна односельчанам, да и какой-никакой порядок в доме был бы, несомненно, наведен. Следовательно, я здесь что-то вроде Цербера, призванного для видимости охранять ее родовые пенаты. И, видимо, ей отлично известны страшные истории, ходящие в округе об этом месте, и сама она не считает их столь безобидными, раз уж предпочла покинуть эти края.

Я с грустной улыбкой дал сам себе согласие играть отведенную мне роль до конца, отчасти из природного упрямства, отчасти оттого, что суеверные взгляды сельчан мне, признаться, несколько льстили, и я не стремился в их глазах сдавать позиции «рокового парня».

Тогда я не мог еще догадываться, во что мне станет позже моя молодецкая бравада...

Покидая место моей медитации, которую я решил отныне включить в свою ежедневную программу как показавшуюся мне небесполезной, я сделал еще одно маленькое, но поразившее меня открытие. Как я уже упомянул ранее, пробираться к берегу мне приходилось в обход, подвергая одежду и кожу малоприятному воздействию колючего кустарника, росшего вдоль забора по всей его длине. Так вот – продираясь в обратном направлении и подумывая уже о расчистке тропы посредством пилы и топора, я наткнулся-таки на калитку, скрытую за одним из кустов и посему незамеченную мною ранее. И это было неудивительно – калитка почти сливалась с забором, будучи удачно подогнанной и повторяя изгибы последнего. Мало того, ею не пользовались столь давно, что успел вырасти маскирующий ее куст, который явно должен был ограничивать ее функциональность. По ту сторону забора начинались густые заросли сада, за годы невнимания разросшиеся настолько, что напоминали, скорее, небольшой лес. Я понял, что помощи вышеозначенных инструментов мне все же избежать не удастся.

Воодушевленный открывшейся мне возможностью сокращения моего пути к реке, я решил незамедлительно приступить к необходимым манипуляциям по прокладыванию маломальски приемлемой тропы, которая должна будет в будущем выводить меня на берег и, соответственно, в обратном направлении на одну из дорожек сада, в свою очередь ведущую к дому. Надо сказать, сам сад до сих пор не был удостоен моего внимания, и сейчас мне представлялась удачная возможность не оттягивать более его осмотр.

Приятного в работе было крайне немного. Мало того, что я был вынужден буквально перерыть все надворные постройки, обветшавшие и полуразрушенные, в поисках необходимых мне инструментов, набрав при этом немало паутины за шиворот и оскорбляя собственный слух отборной бранью, преимущественно в адрес преступно игнорирующей свое хозяйство хозяйки, я еще был вынужден затем добрых пару часов потеть за рубкой, пилением и корчеванием, неуклюже пытаясь достигнуть своей цели посредством ржавого барахла, лишь весьма отдаленно напоминавшего привычные современному человеку столярные приспособления. Но приобретенное в бесконечных боях с действительностью упрямство в конце концов победило и я, преисполненный гордости за свершенное деяние, впервые прошествовал по проложенной собственноручно дороге до самого плоского камня. Калитка, хвала создателю, дополнительных хлопот мне не доставила, открывшись тотчас и без сопротивления, словно ждала меня, и лишь тихим жалобным скрипом напомнив о своем почтенном возрасте.

Во время перерыва в работе, который я позволил себе с целью краткого отдыха, я немного осмотрелся в саду. Почти ничего достойного внимания я там не обнаружил – сад, как я уже неоднократно упоминал, находился в крайней степени не ухоженности и запущенности. Правда, еще чуть различимы были каменные дорожки меж древних деревьев, несмотря на то, что почти заросли сочной травой, неровным ковром покрывающей все вокруг, да обнаруженный мною старый колодец представлял некоторый интерес, опять же как пришелец из прошлого. Моя попытка заглянуть вглубь его была пресечена на корню, ибо колодец оказался засыпанным землей и, по всей видимости, уже достаточно давно. Я пожал плечами. По крайней мере, меня радовало, что новый источник питьевой воды находился несравненно ближе к дому, что сильно облегчало мне его эксплуатацию.

Признаться, работа порядком поубавила во мне энергии и задора и я решил отменить сегодняшний исследовательский поход по окрестностям, остаться дома и провести время за ленивым расслабленным чтением. У меня была с собой кой-какая литература, которой должно было хватить на первое время для удовлетворения моих интеллектуальных потребностей, сказать по правде, несколько редуцированных со времени моего прибытия, впоследствии же я

рассчитывал разжиться книгами в библиотеке Кристианы, которая, без сомнения, должна была обретаться где-то в недрах этого дома.

Остаток дня прошел спокойно. Я окончил чтение начатого еще в городе романа, с аппетитом поужинал нещадно наперченными местными копченостями с хлебом и сидром и, удовлетворенный степенью расширенного за вечер кругозора, отправился в постель, в надежде восстановить потраченные за день силы. Теперь, когда я знал наверняка, что дом не принимает ночных гостей с флейтами и виолончелями и не позволяет неведомым танцорам беззастенчиво бесноваться этажом ниже, я не опасался подвоха центральной нервной системы в виде повторных галлюцинаций, ибо ей нечего было противопоставить моей убежденности.

Мне приснился странный сон. Сны часто бывают странными – в них нам предстает самая причудливая смесь из пережитого и предстоящего, исполнившегося и желанного, пугающего и вожделенного, но всегда яркого и впечатляющего. Можно постараться разглядеть во сне будущее, осознать ошибки прошлого или заглянуть в самого себя, порой гораздо глубже, нежели наяву. Можно даже загрызть в кошмаре собственные страхи, если, конечно, страхи не загрызут тебя...

Я в этой самой комнате, на этой самой кровати. Только я не сплю, а просто отдыхаю после дневной гипер активности, вальяжно разметавшись на покрывале и скользя взглядом по комнате, ни на чем особо не концентрируясь. Теперь, во сне, мне все здесь нравилось – и древний комод, дышавший прочностью и надежностью, и кованный козырек моей кровати, когда-то мастерски сработанный давно истлевшим мастером, и стены, покрытые, словно паутиной, тонкой сетью трещинок и морщинок, и даже самая паутина, свисающая по углам и до сих пор не обметенная мною в силу неистребимой лени. И девушка за письменным столом, пишущая что-то в трепещущем ореоле свечи настоящим, длинным гусиным пером, забавно морща лоб и время от времени поднимая к потолку глаза, словно вспоминая что-то или пытаясь сформулировать какую-то мысль, мелькнувшую в ее белокурой головке и представлявшую, должно быть, большую важность. Прикусив от усердия нижнюю губу, она старательно выводила букву за буквой, словно на конкурсе каллиграфии. Стул, на который я до сих пор не рискнул садиться, опасаясь его ветхой неблагонадежности, не скрипел и не шатался под ее точеным станом, словно доказывая мне свою добротность. Серое, давно вышедшее из моды больших городов, платье с прихотливо-витиеватыми кружевами на рукавах и таким же кружевным воротником, было ей как нельзя кстати, восхитительно облекая ее стройную фигуру с грациозно прямой, как у вышколенной монастырской воспитанницы, осанкой. Было совершенно ясно, что платье сшито не *словно* на нее, как принято говорить о безукоризненно сидящей одежде, а именно *для* нее. И как хотел бы я быть тем портным, что производил замеры!

Светлые, чуть вьющиеся волосы девушки были разбросаны по плечам и спине с той грациозной небрежностью, что характеризует обладательниц великолепного вкуса и изрядной самооценки. Несомненно, этот воздушный ангел, по неведомым причинам избравший для занятий письмом мою унылую келью, не мог быть дочерью лакея или конюха, о чем свидетельствовал весь его облик. Я явственно слышал легкий скрип пера по бумаге и, как мне казалось, мог различить само дыхание моей ночной галлюцинации, нежданно-негаданно навестившей меня в награду за мои дневные подвиги.

Этому созданию было не более восемнадцати – я мог бы поклясться в этом, имея некоторый скромный опыт в общении со слабым полом. Моему взору был доступен лишь профиль девушки, но этот профиль навеки врезался в мою память, прямо-таки впечатался в нее, словно тавро, своими неповторимыми чертами, обрамленными восковой аристократической бледностью.

Наличие прекрасной незнакомки в моей комнате ночью на повергло меня в шок или недоумение – каким-то странным образом я осознавал, что сплю и сознание мое отключено, а виденное – лишь плод нейробиологических связей в моем мозгу. Но как я был благодарен

этим связям, подарившим мне такое чудесное видение этой ночью! Я позволил себе молча наслаждаться бестелесной картинкой, боясь нечаянно проснуться и спугнуть моего дивного призрака, продолжающего строку за строкой создавать какой-то рукописный шедевр.

Но вот она, видимо, закончила свой кропотливый труд и, отложив перо, вздохнула не то с облегчением, не то озабоченно. Аккуратно промокнув исписанный лист, девушка подула на него и для верности помахала им в воздухе, после чего согнула пополам и вложила в зеленый конверт, который взяла тут же, в бюро. Затем снова подняла глаза к потолку и улыбнулась чему-то. От этой ее улыбки я перестал дышать, хоть и считал себя не способным более воспринимать такого рода раздражители.

Следующее ее действие мне откровенно не понравилось, если не сказать – шокировало. Выудив из складок кружевного воротника своего платья не то иголку, не то булавку, девушка, помедлив мгновение, решительно проколола себе большой палец правой руки и прижала его к конверту, словно пытаюсь таким образом запечатать его собственной кровью. После чего уже знакомым мне движением помахала рукой в воздухе, прогоняя боль и, приложив к пальцу носовой платок, быстро поднялась и вышла, прихватив с собой свечу, использованную промокательную бумагу и конверт с письмом, маркированный столь экзотично.

Это был поистине чудный сон. Окончился он тем, что я встал с постели, подошел к столу и внимательно оглядел его поверхность. Я искал перо, отброшенное моей ночной гостьей за ненадобностью, ибо девица настолько потрясла меня своей струящейся чистотой и непорочностью, что я непременно хотел иметь что-то на память об этой ночи, хотя и продолжал отчетливо осознавать, что нахожусь в царстве Морфея и в реальности никакого пера не существует, как и тех пальчиков, что держали его несколько минут назад. Несомненно, когда я проснусь, миф развеется и я вспомню об этом сновидении с улыбкой. Если вспомню.

Но это будет потом, а пока... Я отыскал перо, внимательно рассмотрел его в свете луны и даже понюхал, надеясь различить слабый запах парфюма, после чего сунул его себе под подушку, как ценную реликвию, намереваясь во сне уснуть. Главное все же, что этот, пусть и до чрезвычайности странный сон заменил собой преследующий меня с самого детства кошмар, который, словно испугавшись новой обстановки, не появлялся и не домогался меня вот уже несколько дней.

Наступившее утро разочаровало меня. Оно разрушило все мои планы и исказило намеченный график, ибо шел дождь. Не тот, настоящий, дождь, когда разверзшиеся небеса изливают потоки воды, все вокруг шумит и гремит, ребятишки с радостным визгом шлепают по образовавшимся лужам, подставляя лицо теплым каплям, а лукавое солнце, притаившись за грозной тучей, пережидает эти минуты с тем, чтобы вскоре вновь лучисто подмигнуть природе и уронить свои золотые лучи на влажную парящую землю...

Нет, это был совсем другой дождь, не приносящий ни радости, ни надежды, а лишь мутную тоску и разрушительное чувство обреченности. Монотонно-серое небо без малейшего голубого проблеска давящим куполом нависло над миром, мелкие, как песчинки, капли бесшумно сыпали на землю, превращая воздух в размытую пелену и окрашивая в серые тона погрустневшую природу. И все это обещало затянуться на дни, если не на недели.

Настроение в такую погоду необъяснимо падает, даже если в нашей жизни имеются объективно положительные моменты, при других обстоятельствах могущие дать повод для радости. До осени еще относительно далеко, но ее слезы авансом выдают нам порцию осенней грусти, не давая забыть о тщете бытия за преходящими мгновениями суетливого веселья. Хмурый отпечаток тоски лежит буквально на всем, снижая работоспособность, лишая вдохновения и замедляя мыслительные процессы. Удачное время для самокопания и бессмысленного пережевывания того, чего уже не вернуть и не исправить ни руками, ни сердцем.

Я неспешно, без желания позавтракал и, отчаянно плюнув на нелепый, навязанный обществом, принцип не потреблять спиртного до вечера, запил завтрак изрядной порцией сидра,

пусть и не сочетавшегося с терпким сыром и копченым окороком, но зрящим в самую душу. К черту напускной фальшивый аристократизм, больше похожий на вычурное самолюбование! Пришло время отказаться от искусственных, навязанных так называемым обществом, предписаний и делать то, что по душе, искренне и открыто наплевав на чье-то там мнение!

Пожалуй, выпитое слегка поправило мне настроение, равно как и пробудило все низменные инстинкты, посему я решил совершить, невзирая на непогоду, вылазку в деревню и принять-таки предложение сутенера кабачника, оправдывая себя тем, что-де никто не безгрешен. Не скрою, немалое влияние на принятое решение оказало впечатление, оставленное в моей слабой душе чудесным сновидением. И хотя я понимал, что среди деревенских «тружениц» вряд ли сыщется что-то подобное, я все же предпочел синицу в руке тягучим переживаниям, от которых тошнит и сосет под ложечкой. Да и само по себе человеческое общество – лучшая терапия духа в такую погоду.

Сколько может выпить цивилизованный человек горького теплого пива? Хотя я и не ставил себе такой вопрос, а тем более не собирался участвовать в эксперименте, полагаю, что вошел бы в десятку лучших в питейных летописях деревни, если бы таковые существовали. То ли отвратительность погоды сказалась, то ли проснувшееся желание во что бы то ни стало найти свое место в сельском обществе сыграло роковую роль, то ли какая другая из имеющихся отговорок поучаствовала, но в успешно индуцированном алкоголем веселье я был в этот день неудержим. Радушный хозяин бара исполнил свое обещание, наведя невесть откуда толпу потных девиц, ни в малой степени не напоминающих мое ночное сумасшествие, и еще меньше наводящих на какие-либо романтические мысли, выставил за мой счет бочонок пива, по его опустошению еще один и даже выделил для моих предполагаемых утех комнату в своем отеле, которой я, правда, так и не воспользовался, позабыв о цели своего прихода и в пьяном угаре полагая себя не в праве изменять королеве моих снов с любой из представительниц этого нелепого стада. Последние, впрочем, развлекли меня своей глупой болтовней и несуразными слоновьими плясками, несколько развеяв витальную тоску, в тиски зажавшую было сердце.

Однако же одна из этих, предоставленных в мое распоряжение, дам, несколько контрастировала с прочими, бросаясь в глаза отнюдь не внешностью, но какой-то тревожной молчаливостью, словно иначе чем другие представляя себе свою задачу. Она сидела чуть наискосок меня, не разваливаясь вальяжно на стуле, как ее вульгарные товарки, и не стремясь непрерывно демонстрировать мне свои поношенные прелести, равно как и не порываясь ворваться в круг пьяных танцев. Напротив, ее поза свидетельствовала о каком-никаком приобретенном некогда воспитании, а взгляд оставался цепко-оценивающим, несмотря на немалое количество поглощаемого спиртного. У меня возникло ощущение, будто она постоянно хочет заговорить со мной о чем-то, да по какой-то причине не решается. Я же, верный своему статусу, естественно, не делал попыток прояснить ее заинтересованность и постепенно просто перестал обращать на нее внимание.

Примерно через пару-тройку часов, когда я уже и не думал вести счет времени и выпитому, но даже начал получать некоторое удовольствие от окружавшего меня «элитного» общества, отодвинув утомительный ненужный снобизм на задний план, дамочка вдруг обратилась ко мне вкрадчивым, простуженным голосом, предложив достаточно неожиданную тему для беседы, не имеющую, по крайней мере, ничего общего с ее родом деятельности в настоящий момент:

– Как долго собираетесь Вы оставаться здесь, в наших краях? – изрекла она, перегнувшись ко мне через стол и норовя заглянуть в глаза. Надо сказать, ее собственные оказались тепло-кариями и как-то по-детски доверчивыми, что моментально добавило ей очков по моей шкале оценок.

– Почему тебя это должно интересовать? – отреагировал я вопросом на вопрос, немного, признаться, ошарашено и посему грубовато.

– Мне-то все равно, да бабка моя интересуется. Как прознала, что Вы в баре сегодня, засуетилась. Передать Вам велела, что лучше для Вас было бы к ней на постой перебраться – свободная комната для Вас найдется. И Вам удобней будет, и всем спокойней...

– Что ж за нравы в вашей деревне – клиентов друг у друга отбивать?! – закричал я весело, подмигивая девке и дурачась, – Не по-соседски, я бы сказал!

– Вы не понимаете! Не в соседстве тут дело. Бабка говорит, нельзя Вам долго в том доме оставаться – плохо это. Невесть что случиться может... Переходите к ней, пока не слишком поздно.

– Достаточно, юная леди! Довольно я наслушался уже сплетен и толков в вашем болоте. За эти гроши вы сожрать друг друга готовы! Кроме того, не вижу смысла менять шило на мыло. К тому же, моя хозяйка поразительно добра ко мне.

Я откровенно развлекался. Вести сколько-нибудь серьезный разговор, а тем более обсуждать мои личные дела с проституткой в мои планы не входило.

Девка судорожно вцепилась мне в руку:

– О ком Вы говорите? Не хотите же Вы сказать, что видели хозяйку дома?

– В чем дело? Что за бред ты несешь, шлюха?! Разумеется, я вижу хозяйку и распиваю с ней чаи вечерами, что, между прочим, много приятней, чем сидеть здесь с тобой и слушать твою пьяную болтовню. Убирайся с глаз!

Я начал злиться. Навязчивость одержимой дуры переходила все границы, а я терпеть не мог одержимых дур. К тому же, упоминание о наболевшем вновь испортило мне настроение и, пытаясь задушить росток тоски в корне, я опрокинул очередную кружку пива. Закусывать я не стал, дабы действие алкоголя было более впечатляющим. Быть может, ему удастся на время выдернуть меня из цепких лап реальности?

Но, несмотря на мою явную недоброжелательность и неприкрытую грубость, сдаваться проститутка была не намерена:

– Хотя бы сходите к ней, она Вам все объяснит... Она много знает про ту историю, больше всех в округе. Она расскажет Вам...

– Ну что ты приклеилась, ей Богу, – выдавил я измученно, – Дай отдохнуть по-человечески, и без того обрыдли ваши выселки! Что мне с твоей бабки? Что нового она может мне поведать? Должно быть, она скажет, что Кристиана психически больная или что-то в этом роде, что я уже и без того понял. Не хочу. Убирайся.

Надо сказать, перспектива узнать хоть что-то об интересующем меня деле была довольно заманчивой, но мысль покинуть бар под руку с этой девицей, а затем прошеествовать следом за ней через всю деревню под аплодисменты насмешников была мне невыносима. А имя я зря назвал. Надо следить за пьяным языком, черт бы его побрал! Но теперь уж не вернешь...

Глаза девчонки округлились от ужаса, затем она закрыла лицо руками и начала раскачиваться на стуле из стороны в сторону.

– Об этом она и говорила... Наверное, уже поздно что-то делать, – ее голос звучал сквозь ладони глухо и неразборчиво, – Но Вы приходите, прошу Вас! Она так или иначе должна это исполнить! Просто послушать приходите, хуже не станет... Можете считать это местным театром.

– Да уж скорее цирком! – я сделал попытку подняться и податься в другое общество, чтобы избавиться от этой настырной особы.

Но та вновь начала цепляться за мои рукава и выглядела в тот момент как побитая собака. Был бы у нее хвост, она, несомненно, начала бы им подхалимски вилять в попытках задобрить грозного хозяина.

Тут моему терпению пришел конец и я зычно призвал на помощь хозяина кабака, который ни на минуту не покидал заведения, приглядывая за происходящим и, быть может, намереваясь даже принять участие в запланированной оргии.

Велев ему удалить из бара всех шлюх, в одночасье мне опротивевших, я измождено откинулся на спинку кресла и продолжил потягивать пиво, наблюдая, как исполняется мое пожелание. Поначалу проститутки были крайне обескуражены столь позорным провалом, но узнав, что я так или иначе намерен заплатить им по полному тарифу, вновь расцвели и даже поочередно, кривляясь и гримасничая, что, видимо, должно было считаться кокетством, пожелали мне дальнейшего приятного вечера, не преминув выразить надежду на новую встречу, когда я буду в более подходящем состоянии духа. Я лишь устало отмахнулся от их слащавых бредней.

Так долго изводившая меня девица покинула помещение последней, продолжая делать мне какие-то знаки и умоляюще вздрагивать ресницами. Я не остановил ее.

– Это Грета, – доложил мне хозяин бара, – Не знаю, зачем она вообще сегодня явилась сюда, словно одна из шлюх. Ранее не водилось за ней таких наклонностей.

Он недоуменно пожал плечами.

– Разве она не проститутка? – я удивленно поднял брови.

– Упаси Бог! Ученая девочка, из хорошей семьи. Беда только там случилась – оба родителя погибли года два тому назад. Поехали куда-то, не то по делам, не то на отдых, да и не вернулись по сию пору. Сначала все думали – найдутся, мало ли чего там... Да потом донеслось, сгорели якобы заживо в машине. Они – не они, неясно. Вот такие дела тут. Грета могла бы, конечно, неплохое место в городе получить – отец-то ею шибко гордился, говорил, выйдет в люди дочка... Вроде, юристом быть хотела или что-то в этом роде, я не очень разбираюсь... Да бабка стара совсем, ухода требует, из дома совсем не выходит. Скоро, чай, помирать соберется. Вот Грета и живет пока здесь, у нас, хотя, вроде, и жених в городе имеется. Но это и правильно, я считаю. Старикам надо должное воздавать. Успеет еще нажиться, да с чистой совестью.

И, практически без паузы и всякой видимой связи, добавил:

– А девок-то Вы понапрасну отринули. Хорошие девки – по всей округе для Вас собирал...

Голос его зазвучал несколько обиженно, как будто он был уязвлен до глубины души моим пренебрежительным отношением к его стараниям. Я поспешил заверить его, что в следующий раз все будет иначе и что я высоко ценю его заботу обо мне. Кабачник немного повеселел и присел напротив меня, дабы угоститься пивом, которого во втором бочонке оставалось еще изрядно.

Я же, признаться, испытывал чувство жгучего стыда, вспоминая, как величал шлюхой порядочную девку. Да ладно... Шлюхи тоже бывают порядочными. А порядочные – шлюхами. И вообще мне стало казаться, что целомудрие и проституция – отнюдь не антиподы, как принято считать в нашем ханжеском обществе, а неотъемлемые части одного целого.

Да... Не перебрал ли я сегодня с пивом?..

– Что ж она Вам наговорила? Грета, будь она неладна? Или показалось мне, что это из-за нее у Вас пропало воодушевление?

– Ничего особенного, приятель. Все те же байки, про дом да про хозяйку. Надоело мне все это, дальше некуда. Якобы, бабка ее какую-то тайну поведать может и все такое.

Я снова махнул рукой, показывая, как я утомлен всеми этими глупостями. Хозяин же, напротив, в миг посерьезнел и даже отставил кружку, которую как раз собирался осушить.

– Бабка, говорите? Это может быть не так безобидно, как кажется... Старуху эту уважают у нас, хоть и видят редко. Мол, мудрость в ней житейская да глаз зоркий. Коли уж старая заволновалась, не стал бы я на Вашем месте просто так отмахиваться, послушал бы. На краю могилы нет резона людям врать да сказки придумывать. Может, и впрямь имеет она, что сказать. У Вас-то там, в больших городах, все больше на науку опираются да на исследования ученые, а мы здесь чутьем живем да старых людей почитаем. Иной раз-то, может статься, не меньше пользы от этого.

– Чего ты-то заныл? Дадите вы мне спокойной жизни наконец? Куда ни повернись, одни взгляды косые да советы непотребные! Может, объяснишь мне, коль разумный такой, чего

полдеревни от меня шарахается? Не урод вроде, не прокаженный, и слог мой к людям уважительный. Или ко всем чужакам неприязнь у вашего народа?

– Не неприязнь тут, парень... Тут другое... Народ добросердечный и гостеприимный у нас, всегда рад будет, если кто внимание уделит нашему захолюстью. В старые времена даже солдаты чужие на стол и кров могли рассчитывать, ибо душа человеческая превыше всех распрей. Да только... Душу-то свою ты на заклятие ведешь, на беду себя обрек и нас туда же тянешь. Всем горе будет через это...

– Да через что же, черт тебя дери?! – вскипел я. – Что здесь происходит, в конце концов? Как вас-то мои дела касаются?

То, что кабачник перешел на более простую форму общения, мне даже импонировало, но выслушивать от взрослого, кажущегося разумным человека те же причитания, что от истеричных баб, было выше моих сил. Преданья преданьями, а толика трезвого мышления должна все-таки оставаться в любой ситуации.

– Не тот постоянный двор избрал ты себе, парень. Черно там все, проклято. Давно заброшена усадьба, и подступаться к ней никто не решался до тебя. Даже вороны над ней не летают и гнезд в тех деревьях не найдешь. А ты утверждаешь – хозяйка у тебя есть... Последняя владелица того дома уж много лет назад как сгинула и, верь уж мне, нехорошо сгинула... Пугаешь народ, муть со дна стакана поднимаешь. Боятся люди – разбудишь ты зло вековое...

– Так уж никто и не решался? А колодец-то во дворе почти новый! Или хозяйка собственноручно выкопала?

– То другое... – владелец бара нетерпеливо отмахнулся. – Лет двенадцать тому назад бригада из города приезжала, не в курсе они были... Кто-то нанял, видать. Да вот кто только, ни нам ни им неведомо было. Выкопали за день да убрались восвояси. А мы остались.

Он перегнулся через стол и положил свою ладонь мне на плечо.

– Уходи оттуда, не будет там добра, истинно тебе говорю. Стоит ли рисковать бесцельно?

С меня было довольно. Я сбросил его руку с плеча, поднялся и молча вышел из бара. Хозяин не обернулся и не окликнул меня. Он сказал, что хотел сказать, и я слышал его.

Дождь не прекратился. Мелкая водяная пыль летела в лицо и за шиворот, к тому же ветер был встречным, что добавило неудобств. Я решил идти пешком – еще одну нотацию, на сей раз от таксиста, мне было не вынести. Отойдя пару сотен метров, я хватился зонта, который по рассеянности своей оставил в баре, но возвращаться не стал. В голове была полная сумятица, несмотря на то, что пары пива, подгоняемые душевной нестабильностью, почти выветрились, а может быть, именно по этому. Началось похмелье, и тяжесть в голове не добавляла радости от проведенного вечера. Я мечтал побыстрее добраться до дома, умыться и лечь в постель, отложив все размышления на завтра. Слишком много несуразностей мне пришлось выслушать и анализировать их с больной головой я не хотел и не мог.

Чувствуя полнейшую разбитость, я с трудом добрался до кровати, предвкушая несколько часов вожделенного отдыха. Я уже начал проваливаться в приятное беспамятство, как вдруг нащупал что-то под подушкой. Ошарашено сев на кровати, я воззрился на добытый мною предмет. В моей руке было длинное гусиное перо. Перо феи из моего вчерашнего сна.

Заснуть я смог лишь с наступлением рассвета, такого же серого и дождливого, как и предыдущий. Казалось, погода аккомпанирует моему состоянию, разливая на окружающую природу такую же безысходность, какая была разлита в моей душе.

Проведя бессонную ночь за смешавшимися мыслями и тягостными думами, я смог найти лишь одно сколько-нибудь разумное объяснение произошедшему: По всей видимости, увидев во сне пишущую девчонку, я проснулся и мой поход к столу за пером был уже реальностью, которую я просто-напросто не сумел отграничить от сновидения, пребывая еще в полусне. Все казалось бы логично и просто, если бы не само перо. Я отлично помню, что по приезду осмат-

ривал свою комнату со всем тщанием, заинтригованный находящимися в ней раритетами, но никаких письменных принадлежностей на столе мною обнаружено не было, тем более таких по современным меркам экзотических, как перья. Кроме моих собственных шариковых авто-ручек да пачки белой бумаги на столе теперь ничего не было (письма я писать не собирался, но ведение чего-то вроде «Дневника путешественника» не исключал). Надо ли говорить, что никаких зеленых конвертов также не существовало! Впрочем, резонно подумал я, конверты относились к сновидению и наличествовать не должны.

Я внимательно осмотрел перо. Было сразу заметно, что оно употреблялось именно для письма, чему я и был свидетелем в своем ночном видении, во всем остальном это было самое обыкновенное гусиное перо, какие во множестве можно было отыскать на любом птичьем дворе, особенно после массового предрождественского забоя.

Я вспомнил, как ее нежные пальчики держали это перо незадолго до меня, старательно выводя некое послание на листе бумаги, и на долю секунды меня вновь охватило непонятное возбуждение, которое, впрочем, тут же погасло при мысли о нереальности моих мечтаний. Вспомнилась история незабвенного Пигмалиона, питавшего нежные чувства к собственному творению. Но то была, по крайней мере настоящая, осязаемая скульптура, а не бестелесный дух, образ которого был, безусловно, сконструирован моим перевозбужденным мозгом.

Как бы там ни было, я добавил перо к сувенирам, прилежно собираемым мною в целях воскрешения воспоминаний в будущем; среди них уже имелись бирки от чемоданов и сучок от куста, спиленного мною на берегу во время расчистки тропы к моему камню. Что до камня, то я полагал его моим единственным в этих краях другом, который всегда молча выслушивал меня, разделял мои переживания и не досаждал мне глупыми рассказами о мнимом ужасе моего положения. Я уже начинал скучать по нему и не мог дождаться окончания непогоды, когда я снова смогу прикоснуться к его гладкой теплой поверхности.

Но дождь, не замирая ни на минуту, монотонно шелестел за окном, предрекая мне еще не один день вынужденного заключения в моей келье. Продолжать исследования дома, глотая пыль и спотыкаясь в потемках о всякую рухлядь, мне не хотелось, и я начал подходить уже к дикой мысли нанести-таки визит бабке Греты, но, сочтя, что это будет выглядеть малодушием с моей стороны, после того как я со столь недвусмысленным скепсисом отнесся к этому предложению, я эту идею категорически отверг.

Послonyaвшись некоторое время от нечего делать по комнате, я все же решил начать свои записи, кои намеревался позже донести до потомков в виде мемуаров и благодаря которым вам становится известна моя история.

В моем далеком детстве я неоднократно порывался доверить бумаге свои незрелые думы, будучи искренне убежден, что мои нелепые стихи и пустые потуги в прозе являют собой образцы литературной мысли, призванные со временем занять достойное место на полке мировых шедевров. На самом же деле, ни одно мое творческое поползновение не шло дальше нескольких страниц довольно несуразного текста, представлявшего собой беспорядочную смесь детской наивности, восторженной глупости и вызванного непрекращающимися ночными кошмарами страха, причем текст этот я, как правило, бросал на полуслове ради того, чтобы начать новый, столь же никчемный. В этом не было ничего удивительного, ибо, барахтаясь в теплых волнах неопытности, довольно трудно, если не невозможно, достичь твердого берега основательности. Полагаю, впрочем, я не был одинок в своем, тщательно скрываемом от насмешек однокашников, увлечении. Вряд ли найдется человек, в глубине письменного стола которого не скрывалась бы старая потрепанная тетрадь с аккуратно выведенным именем в верхнем правом углу, хранящая его первые впечатления об устройстве мира.

По настоящему писать я так и не научился, избрав в жизни и для жизни иной путь, ни коим образом не пересекающийся с моими детскими мечтами, что само по себе не так уж и страшно. Многие ли из нас стали космонавтами или киноактрисами? По досадной ошибке

судьбы, бороздит межзвездные пространства и раздает автографы восторженным почитателям всегда кто-то другой. Мы же утешаемся мыслью, что прочный фундамент, частью которого нам пришлось являться, порой важнее установленной на нем взмывающей к небесам стелы.

Тем более, я был не совсем таким, как мои товарищи по разноцветному детству. У меня была тайна – мой ночной кошмар – всегда один и тот же и всегда липкий от испытываемого мною ужаса! Но, когда я попытался заговорить об этом с матерью, то смог в ее ответной тираде различить единственное слово – психиатр, которое повергло меня в ужас едва ли не больше, чем само сновидение и заставило меня навсегда замолчать о своих переживаниях.

В моих теперешних записях я был избавлен от пресловутых мук творчества, поскольку не собирался изобретать ни одной детали происходящего, а лишь планомерно, шаг за шагом, описывать свое путешествие, без прикрас и призванных возбуждать любопытство трюков. Быть может, моим детям в будущем придет на ум полистать эти страницы, дабы немножко глубже проникнуть во внутренний мир тогда уже старого или вовсе несуществующего более отца, и я не хотел, чтобы у них сложилось мнение обо мне, как о резонере или бездумном балагуре.

Заполняя листки ровными строчками, несущими груз моих мыслей, я вспоминал, как то же самое делала пару дней назад героиня моего сна, сидя на том же месте, что и я сейчас и видя перед собой то же бюро, что и я вижу. Ее образ, сказать по правде, несколько поблек в моей памяти, что не могло не радовать меня, ибо перспектива стать рабом собственных сновидений, подобно Кастанеде, меня ни в малой степени не привлекала.

Дойдя в своем повествовании до того момента, когда я сошел с поезда на местной станции, я сделал еще одно открытие, вновь бросившее меня в когтистые лапы невроза и смешавшее мои начавшие было приходить в порядок мысли.

Разумеется, старую чернильницу на дальнем от меня конце стола я заметил еще при первой инспекции последнего. Кроме того, что она была столь же раритетной и покрытой пылью, как и все остальное, я ничего примечательного в ней не заметил. Поборник чистоты и порядка, я, разумеется, тщательно протер ее и отставил на прежнее место, поскольку, натурально, пользоваться ею не собирался в силу наличия в моем арсенале более приемлемых письменных принадлежностей. Теперь же, пребывая в задумчивости по поводу построения очередной фразы, в чем, повторюсь, я не был особенно силен, я совершенно машинально потянулся к чернильнице с тем, чтобы просто вертеть что-нибудь в пальцах, дожидаясь созревания мысли. Почему именно старая чернильница показалась мне наиболее подходящим для этого предметом, я сказать не могу.

Но покрутить в руках этот раритетный предмет, исследуя его подноготную, мне не удалось – чернильница оказалась наполовину наполненной соответствующей жидкостью, а именно – чернилами, которые я, не ожидая такого поворота, частично пролил себе на одежду и на поверхность стола. Воззрясь на свои, ставшие теперь темно-синими, пальцы, я испытал всю гамму чувств, которую и должен был испытать в данной ситуации. Я был поочередно ошарашенным, испуганным, разозленным, отчаявшимся и, наконец, любопытным. К счастью, именно это состояние взяло верх, являясь, бесспорно, самым конструктивным из перечисленных.

Кто же играет со мной эти шутки? Кто смеется надо мной при встрече, упиваясь моим смятением и собственным инкогнито? Для чего все это затеяно?

На данный момент имелось гораздо больше вопросов, чем ответов. Но я собирался приложить все усилия, чтобы изменить ситуацию, нисколько не сомневаясь в том, что кто-то просто-напросто разыгрывает меня, пользуясь моими отлучками для приготовления всего этого маскарада. Возможно даже, что вся деревня участвует в спектакле, подогревая мое напряжение несуразными кабацкими рассказами. А сама Кристиана, якобы находившаяся в отъезде, на самом деле вымышленный персонаж, ловко включенный в сценарий этого грандиозного

аттракциона. Какую конечную цель преследуют эти люди, я знать не мог, но оставаться слепой игрушкой в их руках я был не намерен, ибо эта, отведенная мне кем-то, роль, меня оскорбляла.

Для начала я заставил себя успокоиться и рассуждать трезво. Если мои приключения были заранее спланированы, в чем я практически не сомневался, то, несомненно, спланированы очень талантливо, надо отдать должное режиссеру. Следовательно, должна быть предусмотрена также тактика на случай возможного разоблачения мною каркаса навязанной мне игры. А это значило, что не имело никакого смысла бежать в деревню, размахивать там руками и брызжа слюной, требовать признания и покаяния. Вряд ли подобный образ действий принесет плоды, скорее уж выставит на посмешище, и теперь уже совершенно открыто. В случае же, если туземцы все же не причастны к этой истории, моя ажитация будет выглядеть и того печальней, и тут уж мне будет не отвертеться от помещения в специализированное лечебное учреждение, где моим рассказам, конечно же, никто не поверит, а будут лишь слащаво улыбаться и успокаивающе похлопывать по плечу, приговаривая, что после укольчика все будет в высшей мере замечательно.

Вообще, по моим дилетантским представлениям, постановка психиатрического диагноза происходит порой весьма субъективно, если не сказать – необоснованно. Один мой приятель, прочитав где-то в желтой прессе о разрушительном действии инфразвука и будучи под впечатлением от прочитанного, начал вдруг замечать у себя описанные симптомы, которые тут же связал с происками конкурентов по бизнесу. После того как обращение в компетентные органы ничего, кроме глумливых насмешек, не принесло, приятель попытался разоблачить врагов собственными силами, что, в свою очередь, через пару дней привело его в приемное отделение психиатрической лечебницы с целью детального обследования на предмет постановки весьма недвусмысленного диагноза. Будучи через две недели отпущенным домой в пробный отпуск как достаточно стабильный и хорошо поддающийся терапии пациент, он, навестив свой офис для подготовки срочных бумаг, через несколько часов работы неожиданно скончался, не сделав и половины запланированного. Компетентное вскрытие установило разрушения, причиной которых могло стать инфразвуковое воздействие, а днем позже в кабинете погибшего прихватили парнишку, удалявшего скрытые в шкафу и за диваном динамики, что и помогло окончательно опровергнуть установленный диагноз, к сожалению, посмертно.

Или же, предположим, малограмотный крестьянин преследует свою супругу в пределах огорода, используя в помощь преследования вилы. На поставленные через пару часов вопросы интересующихся докторов мужчина охотно пояснил, что целью упомянутого преследования было вразумление супруги относительно морально-нравственных норм замужней жизни и привитие ей неких этических ценностей, основанием для чего послужила уверенность крестьянина в бесстыдном игнорировании супругой вышеозначенных идеалов посредством возмутительной связи с соседом, причем целью связи было удовлетворение несанкционированной похоти. Поскольку сетования оскорбленного супруга были охарактеризованы как бредовые идеи ревности, представлялось целесообразным размещение его в одном из отделений с целью искоренения отравляющих жизнь бедной женщины необоснованных подозрений деспота. Правда, уже через неделю после госпитализации крестьянин вновь оказался дома, поскольку необходимость защиты супруги от его нецивилизованных нападков полностью отпала в связи с тем обстоятельством, что та перебралась-таки к соседу на постоянное место жительства, прихватив все мало-мальски ценное из нажитого объявленным давече психически больным мужем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.